
Всеволод Иванов
БРОНЕПОЕЗД
14-69

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ДРАМАТУРГИИ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
А. АНИКСТА и А. ДЕЙЧА



ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

# БРОНЕПОЕЗД 14-69

**Пьеса в четырех действиях, восьми картинах**

ИЗДАТЕЛЬСТВО • „ИСКУССТВО“ • МОСКВА • 1966

Статья Всеволода ИВАНОВА
Примечание М. МИНОКИНА

$\frac{7-6-3}{19-53-42-65}$

Текст печатается по изданию:
Вс. Иванов, Пьесы. М., «Искусство», 1965

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Капитан Незеласов — командир бронепоезда.
Прапорщик Обаб — его помощник.
Надежда Львовна — мать Незеласова.
Семен Семеныч.
Варя — отдаленная родственница Незеласовых.
Сережа — ее брат.
Вершинин — командующий партизанской армией.
Васька Окорок — секретарь штаба партизанской армии и затем командир полка партизан.
Петров — партизан, член партизанского штаба.
Пеклеванов — председатель ревкома.
Знобов — железнодорожник } члены ревкома.
Семенов — матрос } члены ревкома.
Син Бин-у — китаец.
Филонов — старый рабочий железнодорожного депо.
Миша — студент.
Настасьюшка — жена Вершинина.
Начальник станции.
Никифоров — машинист бронепоезда.
Солдат.
Жена Пеклеванова.
Японец, выслеживающий Пеклеванова.
Дутченко — денщик Незеласова.
Первый рыбак.
Второй рыбак.
Патрульный.
Мужичонка.
Первый беженец.
Второй беженец.
Старичок.
Учитель.
Старушка.
Дама в манто.
Первая дама.
Баба
Американец.

Мужик, сопровождающий американца.
Мужик в валенках.
Мужик с перевязанной щекой.
Старик.
Ветхий дед.
Первый артиллерист.
Второй артиллерист.
Евгеньев.
Молодой рабочий.
Связной.
Американский офицер.
Японский офицер.
Партизаны и партизанки, рабочие депо.

## ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

### КАРТИНА ПЕРВАЯ

Раньше здесь, в центре города, был цветочный магазин, а теперь располагается семья Незеласовых. Вдоль стен широкие пустые полки, на которых еще валяются вставленные один в другой цветочные горшки с продырявленными донышками. Сквозь стекла зеркальной витрины, занимающей всю заднюю стену, видна улица, железнодорожные постройки, портовые сооружения, мол и море. Изредка у витрины кто-нибудь остановится, посмотрит тупыми, мертвыми глазами и затрусит дальше. Два солдата вносят тюки, распаковывают их. Надежда Львовна тщательно и заботливо осматривает каждый тюк. Если ей встретится книжка, она ее вынет и отнесет к полочке, возле которой сидит капитан Незеласов, темноволосый молодой человек лет двадцати пяти, нервный и чрезвычайно честолюбивый.

Надежда Львовна. Дутченко, Дутченко, сюда тащи... сюда... Осторожней... осторожней... Сашенька, ты знаешь, беженцы в город все прибывают. В каждом окне тюки, чемоданы, а все радуются. Ну и правильно: спокойствия добились. Значит, так *(считает вещи):* шестнадцать, семнадцать, восемнадцать — там, девятнадцать... Саквояж? Дутченко! Где мой саквояж?..

Входит Дутченко.

Дутченко. Який такой саквояж?

Надежда Львовна. Ну такой... коричневый... Ах, боже мой!.. Там у меня все!

Дутченко. Та у той комнати...

Дутченко и Надежда Львовна уходят, она тут же возвращается с саквояжем.

Надежда Львовна. Ну, слава богу, теперь, кажется, все.

Незеласов (*судорожно хватая и перелистывая книги*). Велик корабль Россия. И великое множество на нем крыс. (*Отбрасывает книгу.*)

Надежда Львовна. Какие крысы, Саша?

Входит Семен Семеныч.

Семен Семеныч. Надежда Львовна, Надежда Львовна!.. Здравствуйте, здравствуйте! Боже мой, как вы великолепно устроились!..

Надежда Львовна. Не правда ли, прелестный цветочный магазин? Другие устроились просто в неприличных местах.

Семен Семеныч. Александр Петрович, здравствуйте! Не угадаете, кого я сейчас встретил?

Незеласов. Кого?

Семен Семеныч. Городского голову Преображенского Трофима Ефимовича. Бесстрашный человек. На собственной тройке от Самары до Омска бежал и только в Омске на поезд пересел.

Надежда Львовна. А я редиску хорошую на базаре нашла. Здесь нас, самарских, не любят, но мы обживемся! Упрекают: вы, говорят, эсеры, учредительное собрание!.. Какое там, прости господи, учредительное собрание!

Семен Семеныч. ...Да, общительный мужчина генерал Спасский! На парад торопится, а все же остановил экипаж и сигарой угостил.

Незеласов (*опять перелистывая книгу*). А новостью он вас не угостил? Пеклеванов бежал из тюрьмы.

Семен Семеныч. Кто такой Пеклеванов?

Незеласов. О боже! «Кто такой Пеклеванов?» (*Читает.*) «Евганеи. Племя, обитавшее в глубокой древности в северо-восточной части Апеннинского полуострова и вытесненное оттуда венетами». Вытесненное! Пеклеванов — это тот, кто вытесняет евганеев. И притом так вытесняет, что, пожалуй, и в словарь не попадешь, ха-ха! Из Самары вытеснили, из Омска вытеснили, из Иркутска вытеснили... и вот притиснули к Тихому океану!...

Надежда Львовна. Значит, хочешь — не хочешь, а вой. Дальше бежать некуда.

Незеласов. Мама, где Варя?

Надежда Львовна. К генералу Спасскому обедать пошла.

Семен Семеныч. А оттуда всем семейством на парад. Американские, японские, английские, французские части... вся Европа и Азия! Слышишь, Саша? Американские войска маршируют.

Слышен марш. Все, кроме Незеласова, подходят к окну.

Красиво! Нет, теперь за Америкой мы, как за каменной стеной. Крышка и Пеклеванову и партизанам — всем им крышка!.. Гром победы, раздавайся!

Незеласов. По-моему, бывать каждый день у генерала Спасского унизительно. Генеральша, помешанная на попах и кошках, дура. Вчера ангорского кота с хивинской кошкой спарили. Теперь ждут — чудо получится. А дядя Вяча — генерал Спасский — переплетами увлекается, книжечки сшивает... Это в то время, когда вся тайга полна партизанами!.. Генерал Спасский — бездарность, трус и мерзавец!

Надежда Львовна. Саша!

Незеласов. Да, мерзавец! Кто прикрывал его отступление? Кто его выручил под Хабаровском? Я моим бронепоездом. Сейчас он хвастается своей дружбой с американцами. А кто помог спасению американской миссии возле Байкала? Кто вытащил вагон английского генерала Рокса, когда состав зажгли партизаны? Я! Все мои сверстники у атамана Семенова уже имеют генеральские чины, а я по-прежнему капитан. Моему бронепоезду отказывают в капитальном ремонте... Да-да, генерал Спасский боится моего решительного характера и моего бронепоезда. Но я ему еще покажу, где раки зимуют!

Семен Семеныч. Нехорошо так говорить о крупном начальстве, Александр Петрович. Генерал Спасский — личность необыкновенная. Да вот на днях идем мы с Варей по улице. Он нас встретил, остановил и спрашивает: «Семен Семенович, отчего у вас борода такая ровная?» — «Не могу знать, Вячеслав Алексеевич». А сам чувствую, что краснею, краснею... Мудрец! Да, знаете, мне службу обещали. Похвалили. Голос, говорят, у вас звучный. Ну что ж, голос у меня, может быть, и звучный, но при чем же тут

голос?! Ведь это же не опера, не храм, а интендантское управление.

Слышен марш.

Надежда Львовна. Опять американские войска идут!

Семен Семеныч. Надо на них поближе посмотреть.

Надежда Львовна и Семен Семеныч уходят.

Входит Обаб.

Обаб. Господин капитан!

Незеласов. А, Обаб! Здравствуйте!

Обаб. Я вас сегодня целый день ищу, господин капитан. На бронепоезде три раза был. Механиков туда нагнал, слесарей, артиллеристов человек полтораста. У американцев инструментов взял, материалы...

Незеласов. Зачем?

Обаб. Надо бронепоезд спешно ремонтировать. Вследствие приказа начштаба восточного фронта сего числа назначен я в ваше распоряжение.

Незеласов. Ко мне на бронепоезд?

Обаб. Так точно, господин капитан. *(Подает пакет.)*

Незеласов (*читает*). Бронепоезд мой должен прикрывать военные действия американских и японских войск, направляющихся в тайгу против партизан?

Обаб. Да, так написано в приказе, господин капитан.

Незеласов. И действительно: все американские военные грузы могут идти только по железной дороге. Без прикрытия партизаны сожгут составы.

Обаб. Это уж они обязательно.

Незеласов. Да и поезда с американскими войсками надо прикрывать.

Обаб. Надо, надо.

Незеласов (*помолчав и сделав несколько шагов по комнате*). А вам известно, Обаб, что из тюрьмы бежал Пеклеванов?

Обаб. Раз бежал, поймают.

Незеласов. Кто поймает?

Обаб. Люди генерала Спасского поймают. А они не поймают — японцы поймают. А японцы не поймают — американцы поймают.

Незеласов. А если все-таки никто из них не поймает? Если Пеклеванов снова поднимет восстание? Кто подавлял все восстания рабочих? Я и мой бронепоезд.

Обаб. Это верно, господин капитан!

Незеласов. Мне бы пора командовать гарнизоном. И в чине полковника, не меньше. А я по-прежнему капитан.

Обаб молчит.

Что же вы молчите, Обаб?

Обаб. Я передал приказ, господин капитан.

Незеласов. А знаете, почему все это происходит? Избавиться от меня хотят. Да, стекаем, Обаб, стекаем, как гной из раны...

Обаб. Сволочь бунтует, ее стрелять надо, а которые глупее — пороть.

Незеласов. Заклепаны вы наглухо, Обаб. Ничего до вас не доходит. Точка, Обаб, точка. Родина нас вышвырнула, а думали, нужны, очень нужны, до зарезу нужны. И вот расчет получен, да не расчет, а просто в шею!

Обаб. Мозгуете все, Александр Петрович, мозгуете. Вот атаман Семенов не мозгует — бьет.

Незеласов. Преодолеть что-то надо, Обаб, а вот что — не знаю, не пойму.

Обаб. Женщину вам надо, Александр Петрович, лучше хины.

Незеласов. Не знаю, может быть, может быть...

Обаб. Александр Петрович, мне сапоги надо заказать, а сроку сапожник возьмет не меньше месяца...

Незеласов. Да, раньше, чем через месяц, нам выступить в тайгу не удастся. Пока ремонт бронепоезда...

Обаб. На ремонт — три дня...

Незеласов. Пока поймаем Пеклеванова... Да я же, черт возьми, о вашем счастье забочусь, а вы меня в тайгу тянете! Что?

Обаб молчит.

Обаб. Не будет ли еще каких распоряжений, господин капитан?

Незеласов. Купите два фунта конфет.

Обаб. Слушаю, господин капитан. Какого сорта?

Незеласов. А, все равно!

В дверях Обаб сталкивается с Сережей и Варей, держащей букет цветов.

Варя. Обаб, добрый день! Куда?

Обаб. За конфетами.

Варя. Возвращайтесь скорее чай пить.

Обаб уходит.

Саша, я сегодня веселая!

Незеласов. Вот как! Отчего?

Варя. Из-за тебя.

Входят Надежда Львовна и Семен Семеныч. Варя передает цветы Надежде Львовне.

Варя. Тетя Надя! Вам.

Надежда Львовна. Мне? От кого же?

Варя. Американский полковник спросил меня о капитане Незеласове. Я ответила, что капитан жив-здоров и живет со своей семьей. И тогда полковник просил меня передать этот букет матери капитана Незеласова, воспитавшей храбрейшего сына, которого знает и уважает вся Америка.

Семен Семеныч. Неужели вся? Ну, Александр Петрович, ты шагнул!

Варя. Ах, господа, какой духовный подъем! Когда прошли американские войска и за ними двинулись наши белые дружины Святого креста, весь город начал сбор пожертвований! Победить большевиков или умереть. Генерал Спасский последнее столовое серебро пожертвовал.

Сережа. А епископ Макарий — крест, осыпанный бриллиантами.

Варя. Я тоже не вытерпела и отдала свое последнее бриллиантовое кольцо.

Незеласов. Разве у тебя два кольца? Какое же это у тебя на пальце?

Варя. То есть я хотела отдать, но еще не отдала. Завтра отдам непременно. Да, господа! Поздравьте Сережу. Он вступил в дружину Святого креста.

Варя и Сережа (*поют*).

Марш вперед, Россия ждет
Счастья и отрады!
Марш вперед, трубят в поход!
Красным нет пощады!

Сережа. Епископ Макарий сам будет командовать дружиной Святого креста!

Варя. Вы представляете, господа, когда епископ Макарий наденет высокие охотничьи сапоги и сядет верхом на лошадь... Это будет внушительно. Именно об этом говорили весь обед у Спасских. Да, господа, на площади было страшно торжественно. Играло три оркестра — американский, японский и наш. Генерал Спасский прекрасную речь сказал. Как это... Да! Он сказал, что раньше Россия не была в крестоносцах, то есть не ходила к гробу господню, а теперь гроб господень перенесен в Москву, и на Москву крестовым походом пойдут все народы, и что впереди всех пойдет он, генерал Спасский...

Незеласов. Ну, и глупо сказал.

Варя. Что?

Незеласов. Глупо сказал.

Варя. То есть я могла перепутать, но он говорил очень и очень умно. Штатские ему хлопали, а войска кричали «ура».

Семен Семеныч. Достаточно убедительно. А любопытно, Варенька, каков у Спасских обед был? Здесь едят совершенно удивительные вещи. Например, я читал в ресторане: соус Беже.

Варя. Соуса Беже быть не может. Такого слова даже нет. От слова беженец, что ли? (*Поет вместе с Сережей.*)

Довольно быть беженкой —
С ружьем собирайся.
Довольно быть неженкой —
В поход отправляйся.
Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И, как один, прольем
Кровь молодую...

Сережа выходит. Варя отходит от пианино и идет к Надежде Львовне.

Варя. Тетя Надя, знаете, у кого я буду новое платье шить? У мадам Фанни!

Надежда Львовна. Как! Она здесь?

Варя. Здесь. Я ее на параде встретила.

Надежда Львовна. Адрес взяла?

Варя. Еще бы!

Незеласов. И о мадам Фанни тоже на обеде у Спасских говорили?

В а р я. Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, капитан Незеласов! Я не такая глупая, чтобы на званом обеде о платьях говорить. Я говорила о родине и о вас.

Н е з е л а с о в. Обо мне?

В а р я. Да, о вас.

Н е з е л а с о в. Спасибо за память.

Варя играет.

И я тоже думал о тебе, Варя. Стоял утром у моря, смотрел, как рыбачьи лодки подплывают. Море кидалось к моим ногам, ревело. И в тот момент, когда я подумал о тебе, оно знаешь что выбросило к моим ногам? Щепу.

В а р я. Щепу?

Незеласов показывает щепу.

Я — щепа? Капитан Незеласов, не нужно символизма. И, кроме того, вы скоро услышите, что щепа-то эта строит вам дом и счастье. (*Надежде Львовне.*) Тетя Надя, мебельщики не приходили?

Н а д е ж д а  Л ь в о в н а. Жду с часу на час. Здесь мы выгородим перегородку для Саши, здесь для тебя, а это будет у нас гостиная.

Входит С е р е ж а с крестом на груди.

С е р е ж а. Каково, а?

С е м е н  С е м е н ы ч. Красиво! Хоть и молод ты для формы...

С е р е ж а. Все крестоносцы будут так одеты.

С е м е н  С е м е н ы ч. Неужели и сзади тоже крест?

Входит О б а б.

О б а б. Что значит настоящие коммерсанты! Во всех магазинах — американские конфеты.

С е р е ж а. Знаете, Обаб, мы, дружинники, все будем с крестами.

О б а б (*медленно соображая*). С какими это крестами?

С е р е ж а. На груди огромные кресты из белой материи. И будто бы партизаны угрожают, что вырежут нам кресты на груди ножом...

О б а б. Нет! Мужики к этому делу непривычны. Кожу человеческую тоже резать надо умеючи.

Варя и Сережа (*поют*).

Смело мы в бой пойдем
В святой дружине,
И, как один, прольем...

Незеласов. Дружины Святого креста! Крестоносцы! Пять тысяч верст вы бежали к Тихому океану лишь для того, чтобы выдумать эти дурацкие дружины Святого креста!

Варя. А ты что, разве не бежал с нами? Ты что, упал с неба?

Надежда Львовна. Варя!

Варя. Нет, тетенька, я ему сейчас все скажу. Да, на обеде у Спасских говорили о вас, капитан Незеласов! И не я... Я лишь начала. Говорили все союзные офицеры: американские, французские, японские, английские. Вас считают самым умным, смелым и непреклонным. Ваш бронепоезд — пример для остальных бронепоездов армии! Без вашей помощи союзные войска не смогут проникнуть в тайгу, разбить партизан.

Обаб. Верно!

Незеласов. Ах, вы не понимаете ничего! Евганеи...

Варя (*берет за руку Незеласова и отходит с ним в сторону*). Саша! Ты на пороге счастья. Союзники вспомнили твои подвиги. Разве генерал Спасский посылает тебя в тайгу? Американцы. Сибирь будет принадлежать не генералу Спасскому, а им. Помоги им раздавить партизан — это займет немного времени, — а там возвращайся, сбрасывай Спасского и сам становись на его место. Мне именно на это намекнул полковник, передавший букет для тети Нади. Ну, что, разве я напрасно обедала у Спасских?

Незеласов берет щепу.

Ты что, Саша?

Незеласов. Кажется, я действительно был дураком, когда сравнивал тебя со щепой. (*Идет к столу, по дороге выбросив щепу в дверь.*) Господа! Я ошибался. Пеклеванов — вздор. И затем, какое там восстание, когда город полон американских и японских войск? Прапорщик Обаб!

Обаб (*вскакивая и вытягиваясь*). Слушаю, господин капитан!

Н е з е л а с о в. Прапорщик, доложите генералу Спасскому, что я благодарю его за доверие и выполню его приказ.

Одобрительный шум. Семен Семеныч лезет к Незеласову целоваться.

С е м е н С е м е н ы ч. Сереженьку-то, может быть, с собой возьмете, Александр Петрович! Ведь какая карьера!

С е р е ж а. Возьмите меня!

О б а б. Александр Петрович! Сапоги-то, выходит, мне не шить?

Н е з е л а с о в. Дарю лучшие сапоги с лучшего партизанского командира. В тайгу, Обаб, в тайгу!..

## КАРТИНА ВТОРАЯ

Порт. В море огоньки кораблей. Вдоль стены мола рельсы На молу и внизу, возле рельсов, фонари. Вечер. На тумбе, возле какого-то якоря и кучи толстых цепей, сидит М и ш а, бедный и больной студент. Гуляют редкие п а р о ч к и, и для них-то Миша играет на флейте. У ног его фуражка, где лежит несколько монет. Входят п е р в ы й и в т о р о й р ы б а к и.

П е р в ы й р ы б а к. Патрули не проходили, играющий?

М и ш а. Если б патрули прошли, меня бы прогнали отсюда.

В т о р о й р ы б а к. Из бедных, видно. Никита Егорыч не проходил?

М и ш а. Я не знаю никакого Никиты Егорыча.

П е р в ы й р ы б а к. Вершинина?

М и ш а. Не знаю.

П е р в ы й р ы б а к (*вглядываясь*). Никак военный? Уйти от греха.

Уходят

Входит З н о б о в, он в форме военного матроса.

З н о б о в (*садится возле Миши*). А ты все играешь, студент? Поздно.

М и ш а. Дома тоже тоскливо и голодно.

З н о б о в. Та-ак. Вершинина не видел, случайно?

М и ш а. Я не знаю никакого Вершинина.

Знобов. Большой мужик, умный, правду ищет. Под его влиянием несколько волостей. Мужики с ним в шаг идут.

Миша. Недолго, значит, проживет ваш Вершинин.

Знобов. А что?

Миша. Американцы сюда для того и приплыли, чтобы побольше таких русских правдоискателей перестрелять.

Появляется Обаб, важный и серьезный.

Обаб. Матрос! Ты чего ночью тут?

Знобов. Виноват, ваше благородие. Любовное свиданье.

Обаб. Доложи своему командиру — два часа под ружье.

Знобов. Есть, ваше благородие.

Обаб (*Мише, который наигрывает на флейте*). А ты чего воешь? И еще студент. Студенты все должны воевать.

Миша. С одной стороны, болен, с другой — не сочувствую.

Обаб. Кому?

Миша молчит.

Кому, говорю, не сочувствуешь, крыса, кому?

Знобов уходит.

Входит Вершинин с женой Настасьюшкой. Вершинин, несмотря на теплый вечер, одет почти по-зимнему, на нем шапка. Степенный, лет сорока пяти крестьянин, он полон внутреннего, неколебимого достоинства, приправленного легким, подчас еле уловимым юмором. Он несет какие-то рыболовные снасти. Жена его Настасьюшка, с которой он обращается нежно и ласково, моложе его лет на десять; одета она по-крестьянски франтовато, но не пестро; руки ее полны игрушек, и, улыбаясь, видимо, думая о детях, она часто подносит к уху жестяную, ярко раскрашенную погремушку.

Вершинин (*жене*). Глядь, Настасьюшка, как их благородье-то командует. А ведь он, кажись, земляк? Здорово живете, Иван Аристархович.

Обаб. Здравствуй... Вершинин.

Вершинин. В дорогу отъезжаешь?

Обаб. Да, с бронепоездом. Возле порта стояли, а теперь надо и другие кое-какие места проверить. А ты сюда по каким делам?

Вершинин. По каким делам? Мне почудилось: по каким тропам? Нонче тропки-то в разные стороны бегут. Запутались. И люди, которые позлей, сильно запутались, Иван Аристархович.

Настасьюшка (*пытаясь отвести разговор в сторону*). И саблю вы получили, Иван Аристархович, справную саблю, хозяйственную. Девки-то, поди, льнут?

Вершинин. Сабля?.. Сабли, они тоже по-разному достаются. Был мужик одного со мной села. Зажиточный мужик был. Ну, помри его отец, и подумал тот мужик: поеду-ка я в город торговать. Торгует. А тут война, товаров меньше. Невыгодно! И пошел тогда мужик тот в фельдфебеля, а там и в офицеры произошел. В поручики из фельдфебелей попал, а, Иван Аристархович?

Обаб (*гордо*). Пока прапорщик.

Вершинин. Ну-ну. Некогда мне звездочки-то в небе считать, не то что у разных там усмирителей. В кавалерии служишь, Иван Аристархович?

Обаб. Говорят тебе, в бронепоезде!

Вершинин. А, по-моему, в кавалерии веселей. Падать, так хоть с коня, а не с вагона.

Обаб. Все зубы скалишь, Вершинин? Перестань!

Настасьюшка. Никита Егорыч, нам надо идтить. Не пришел, вишь, твой знакомец-то.

Вершинин. Придет. А я пока с этим знакомцем поговорю. Иван Аристархович, а ты не помнишь, как я тебя за скирдами порол? За курицей ты моей вместе со своим псом гонялся. Я тебе говорил: «перестань», а ты ее палкой зашиб. И до теперешнего времени деньги за курицу не уплачены.

Обаб. За курицу? Сколько тебе за курицу?

Вершинин. За курицу аль за то, что я тебя порол?

Обаб (*поняв насмешку*). Цыц! С кем разговариваешь. Смотри, Вершинин, а то ведь я могу...

Вершинин. Не научился ты орать-то. Плохо орешь, совсем плохо. «Могу!» Не много ты сможешь, Иван Аристархович. Мыслей на многое у тебя не хватит. Вот и сабля у тебя остра и рука, быть может, сто пудов подымет, а я стою перед тобой не разрубленный.

Обаб. Очень мне надо тебя рубить... И без тебя хлопот... Ты только посмей у меня с партизанами снюхаться... раздавлю! (*Уходит.*)

Вершинин. Не велика пакость, а сколько, гляди, от нее вреда.

Входит Знобов.

А, вот и Знобов! Садись, господин Знобов, садись рядом да говори. Я, тебя ожидаючи, тут с одним земляком тоже поговорил...

Настасьюшка. Да почти и порубились.

Знобов. Неприятное скажу, Никита Егорыч.

Вершинин. А ты знаешь что: ты меня в свои неприятности не мешай. Ты меня в приятности введи. Впрочем, где теперь ждать приятного? На город посмотришь — весь в чужом народе. Американцы, англичане, японцы... чего им надо?

Знобов. Россию под себя забрать.

Вершинин. На деревню взглянешь — народ смутный, тоскливый, скучный. Чуть отвернешься от него в сторону, он со скуки самогон начинает гнать. Какая неприятность-то?

Знобов. Военная.

Вершинин. Слышал, восстанье маленькое поднимали?

Знобов. Да, возле тюрьмы. Пеклеванова надо было освободить.

Вершинин. Освободили?

Знобов. Освободили.

Вершинин. Слыхал я о нем. Справедливый, говорят, человек. Отправили его куда?

Знобов. Да еще не отправили.

Вершинин. Надо отправить.

Знобов. Надо. Ловят. Тридцать тысяч за голову назначили.

Вершинин. Дорогая голова.

Знобов. Вот и говорим, что не каждому ее можем доверить!

Вершинин. Где каждому!

Знобов. Тебе бы, Никита Егорыч, партия эту голову доверила. На заимку, в тайгу спрячешь?

Вершинин. Да господь с тобой, Знобов! Да как же я могу в вашу войну ввязываться? Наша душа — крестьянская, мирная. Мы соху, землю, море да лодку только и знаем. Куда нам воевать? Зачем?

Настасьюшка. Наша душа — крестьянская, хозяйственная, мирная, господин Знобов, нам воевать не годится.

Вершинин. И люди мы неученые, неграмотные, а семья у меня вышла крупная: не считая стариков, жена, племяши да своих робят двое — Митька да Сашка.

Настасьюшка. И, ведь сказать, робята! Такие все к жизни сиравные...

Вершинин. Робята ничего, обходительные, веселые. Надо им это веселье сохранить, а как? Вокруг нас — тайга, горы, реки, а дальше взглянешь — земля бушует... Вот тут-то неграмотный и разберись!

Знобов. Считаете вы себя, Никита Егорыч, неграмотным, а жизнь видите лучше иного грамотного.

Вершинин. Нет, нет, ты меня в войну не тяни.

Знобов. Война мимо вас пройдет, Никита Егорыч. Видно, такое ваше счастье. Только слышал я, на вашу волость японцы с одного края заходят, а с другого — американцы. Восстали ваши мужики, что ли?

Вершинин. Нет. Какое там восстание? Никакого восстания не было. Так, двух милиционеров по пьяному делу кокнули. Нет, никакого восстания у нас нету.

Знобов. Ну, нет так нет. А мы вот в городе непрерывно восстаем. *(Помолчав.)* Когда Пеклеванова освобождали... брат у меня погиб, Никита Егорыч.

Вершинин. Павлуша?

Знобов. Павлуша.

Вершинин. Да ведь ему и семнадцати, поди, не было? Зачем же ты, Знобов, такого молодого пустил?

Знобов. Смелость, она годами не измеряется, а чтоб Пеклеванова освободить, нужны были смелые люди.

Вершинин. Славный парень был Павлуша-то. Ах ты, владычица! Ну, царство небесное.

Знобов *(помолчав)*. Никита Егорыч!

Вершинин. Не могу я, Знобов. Пойми ты, ради Христа, не могу... Ну зачем я буду военных прятать? Я-то ведь не воюю. Я — мирный. *(Помолчав.)* Другое дело... пройдет мимо заимки, по тайге, странник какой... такой, что мимо нас, вроде, сейчас пройдет. Ну, такого я пожалею, пущу, кормить и защищать буду и, хоть мильён за него обещай,— не выдам. Да понял, что ли?

З н о б о в. Понял. Пройдут мимо тебя странники, Никита Егорыч, пройдут. *(Уходит.)*

Вершинин сидит задумавшись. Поодаль играет на флейте Миша.

Н а с т а с ь ю ш к а. Мягкое в тебе сердце, Никита Егорыч.

Молчание.

Глянь-кось, Никита Егорыч, и китаец твой идет.

Входит китаец С и н  Б и н - у с мешком. Неслышно шагая, идет и садится возле Настасьюшки. Они разговаривают шепотом.

Н а с т а с ь ю ш к а. Родных-то в городе, выходит, не нашел?

С и н  Б и н - у *(выговаривая «р», как «л», «ч» и «ш», как «с»)*. Нисиво нету. Нисиво нету. Моя на тюльма ходила Пеклеванова освобождать.

В е р ш и н и н. И ты ходил?

С и н  Б и н - у. Больсевикам вместе ходил. Наса дом, фанза, нетю. Родны все умирай. Моя одна остался. Амеликанза меня тюльму садить нада.

В е р ш и н и н. Тебя в тюрьму?

Н а с т а с ь ю ш к а. В городе, выходит, Синбину, нельзя тебе работать.

С и н  Б и н - у. Нельзя. Моя злой есть. Моя японза амеликанза воевать есть. Моя Никита Еголысь воевай вместе!

Н а с т а с ь ю ш к а *(смеясь)*. Да чего Никите Егорычу воевать? Работы он тебе, Синбину, достанет, а воевать он не будет. Ты и не жди.

С и н  Б и н - у. Амеликанза, японза Китай забилайла. Амеликанза, японза Сибил у Люссия забилайла. Моя Никита Еголысь воевай вместе!

Н а с т а с ь ю ш к а. Ну, и рассердился же ты, Синбину!

С и н  Б и н - у. Моя сильна силдитый есть!..

Н а с т а с ь ю ш к а. Никита Егорович! Смотри-ка, наши!

В е р ш и н и н. Верно, наши.

Входят п е р в ы й и в т о р о й р ы б а к и.

Вы что, робята?

П е р в ы й р ы б а к. Никита Егорыч, тебя ищем.

В т о р о й р ы б а к. Для горя, Никита Егорыч.

Настасьюшка. Для горя, мужики?!

Вершинин. Для какого горя?

Первый рыбак. Беда, Никита Егорыч. Волость послала за тобой.

Вершинин. Ну коли волость послала, значит плохо. Говори все.

Первый рыбак. Все и скажу, хоть тяжко... Окружают наше село антервенты, ставят пулеметы. Под вечер мы с пашни идем, нас, значит, пулеметами и встречают. И в старого и в малого, не глядя.

Настасьюшка. И в малого, говоришь?

Первый рыбак. И в малого.

Второй рыбак. И в малого.

Вершинин. И в малого?.. Да что же это такое, господи!.. По ком панихиду-то служили из моих?.. Которого?..

Первый рыбак. Как мы с моря вернулись, ваш тятенька, Егор Иваныч, по детям вашим панихиду служили. И Митю, значит, и Сашеньку поминали.

Настасьюшка. Мамынька!.. Панихиду по Митеньке!.. Мамынька, милая, ро́дная, кровная мамынька!..

Вершинин. И Митю, говоришь, и Сашеньку? Обех?

Второй рыбак. Обех.

Первый рыбак. Скирды-то наши горели прямо будто с плачем. Двое суток зарево стояло, из сопок видно. Мы всей волостью с сопок это глядим, а они горят, пышут. Ветер подул, и в нашу сторону дым несет. Дым-то, Никита Егорыч, хлебом пахнет.

Второй рыбак. Разорвешь ты всем сердце своими жалобностями.

Настасьюшка *(причитая)*. Детушки мои милые, детушки мои кровные, побили-постреляли вас злодеи лютые, а такие вы были веселые да обходительные, такие к жизни спра́вные...

Вершинин. Уведите Настасью-то... В лодку ее... Я следом приду...

Рыбаки уводят Настасьюшку.

А ты, Никита Егорович, рыбу привез продавать... Обновы покупал... Дудки ребятишкам... *(Смотрит на Мишу.)* Ишь, воет дудка...

Входят Пеклеванов и Знобов.

Пеклеванов. Как вы думаете, вот этот студент, что на флейте играет, шпик?

Знобов. Похоже на то, товарищ Пеклеванов.

Пеклеванов. Так вот запомните: шпики никогда так не играют. *(Передает монету.)* Дайте ему полтинник.

Знобов отходит к Мише.

*(Подсаживаясь к Вершинину.)* Здравствуйте, Никита Егорыч.

Вершинин *(не поднимая головы)*. Здравствуй, добрый человек.

Пеклеванов. Я — Пеклеванов.

Вершинин *(не поднимая головы)*. Знаю.

Знобов *(издали, тихо)*. Странник.

Пеклеванов. Да, в странника приходится превращаться. Наука. Впредь умей лучше воевать.

Вершинин. А за что ты воюешь?

Пеклеванов. За мир.

Вершинин. И мне мир?

Пеклеванов. Всем, кто трудится. Пахарю, как вы, Никита Егорыч. Рабочему, как вон Знобов. Но мир — великий мир труда и социализма — придет через большие битвы. Наука, как побеждать интервентов, помещиков и буржуазию,— очень тяжелая наука. Здесь очень многому нужно учиться. Скажем к слову, Никита Егорыч, вот у вас влияние на целый уезд, а ведь, возможно, таблицы умножения вы и не знаете.

Вершинин *(не поднимая головы)*. Не знаю, брат. Угадал.

Пеклеванов. А ее надо знать с шести-семи лет. Детьми надо знать.

Вершинин. Детьми?! Вот мои бы дети... они бы...

Пеклеванов *(вглядываясь в него и схватив его за руки)*. Что случилось с вашими детьми, Никита Егорыч?

Син Бин-у *(подходит, тихо, Пеклеванову)*. Амеликанза, японза его дети убпвай есть.

Знобов. Интервенты вторглись в их волость, Илья Герасимыч!

Пеклеванов *(Знобову, горячо)*. А вы еще настаиваете, чтоб я скрылся в тайге? Американцы и японцы будут убивать в деревне и в городе беззащитных детей и женщин, а я буду сидеть в тайге?! Американцы и японцы бу-

дут захватывать Россию, уничтожать ее народ, сжигать ее великую культуру, а я буду отдыхать в тайге?! Нет! *(С силой.)* Надо скорее готовить восстание. Поголовное восстание. *(Знобову.)* Таково последнее решение ревкома.

Знобов. Илья Герасимыч, кругом ходят патрули, ваш голос весь город знает...

Пеклеванов. И, однако, восстание! Никита Егорыч! Крестьяне действуют разрозненно. Будем большевиками: давайте соединять их в армию. Соединив, выйдем на железнодорожную линию, перережем ее, интервенты испугаются, хлынут назад, а тут их встретит восстание в городе! *(Знобову.)* Да, восстание! Поднимайте крестьян, Никита Егорыч, идите к городу. Не знаю, встречу ли я вас сам, но клянусь жизнью, победившая революция встретит вас с торжеством. *(Знобову.)* Где там уж странники! Мы воины, а не странники!

Вершинин. Были странники, да все вышли. И жизнь была, и дети были, и дом, и уваженье, и хозяйство. А вчера моим домом японцы да американцы небо освещали! Огонь-то хлебом крестьянским дышал. Да хлебом ли одним! Детей моих сожгли вместе с хлебом. Туда, в небо, дымом!

Пеклеванов. Огромное горе у вас, Никита Егорыч! И как я его понимаю, ах, как понимаю!

Знобов *(вглядываясь)*. Патрули. Иду задерживать, Илья Герасимыч!

Пеклеванов. Не нужно задерживать. Разговор окончен.

Вершинин. Окончен разговор, парень. Спасибо тебе, Илья Герасимыч, справедливый человек. Поговорил я с тобой, и стало у меня на душе светлей. Без тебя бы мне... тьма...

Пеклеванов *(смущенно)*. Ну что вы... *(Достает револьвер.)* Возьмите, сгодится. Возьмите, как удостоверение или, фигурально выражаясь, мандат. Идите и не сомневайтесь. Самое страшное в нашем деле — сомнение. *(С силой.)* Двигайтесь навстречу восстанию! До свиданья, друг!

Пеклеванов и Знобов уходят. Неподалеку от Вершинина, не замечая его, проходит Незеласов, держа в руках собачку. Рядом с ним, смеясь, идут американский и японский офицеры. Позади денщик с вещами.

Вершинин *(поднимая и опуская револьвер)*. Упулить или обождать? Нет, подожди, Никита Егорович.

*(Мише.)* Эй ты, тоска-игрок, ты таблицу умножения знаешь?

Миша. Конечно. Я в техническом учился.

Вершинин. А как кличут?

Миша. Конечно, Миша.

Вершинин. Ну, Миша так Миша. Я гляжу, ты тоже неустроенный?

Миша. Неустроенный.

Вершинин. Ну вот что, Миша, пошли!

Миша. Пошли.

Вершинин. Син Бину, пошли.

Вершинин, Син Бин-у и Миша уходят. Пауза. На вершине мола появляется патрульный.

Патрульный. Эй, в море, кто идет? Стой! Кто идет?

Вершинин *(издали)*. Мужик пошел. Побаивайся!

Патрульный. Стой! *(Стреляет.)*

*Занавес*

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

### КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Железнодорожная станция в тайге. Лес и горы близко подступили к станции, и оттого бревенчатое здание ее, крытое бурым железом, выглядит, несмотря на яркий солнечный день, довольно мрачно. Вдоль палисадника, окружающего станцию, выстроились очередью беженцы. Они стоят, быть может, не столько надеясь получить кипяток, сколько узнать, что творится около станции и в тайге. Где-то недалеко дышит паровоз бронепоезда.

Дама в манто. Господа, вы не знаете, почему остановился бронепоезд?

Первый беженец. На двадцатой версте разобран путь.

Второй беженец. А от нашего состава отцепили паровоз.

Старичок. Но где же американские войска? Почему всюду разговоры о партизанах, о Вершинине?..

Учитель. Господа, соблюдайте душевное равновесие, это залог здоровья и успехов. В конце концов, безопаснее всего на станции, а не среди тайги.

Входит начальник станции.

Дама в манто. Господин начальник станции, почему здесь остановился бронепоезд 14-69?

Начальник станции. Позвольте мне пройти.

Дама в манто. Не партизаны ли вокруг зверствуют?

Начальник станции. Отстаньте от меня! *(Уходит.)*

Старушка. Дымом пахнет. Это Вершинин поджег тайгу. Мы сгорим заживо,

Старичок. Говорил я, Анна Петровна, останемся дома. Там тоже пекло, но хоть в своем именье.

Дама в манто. Ясно, Вершинин приближается. Конец!

Учитель. Господа, что интеллигенции требуется доказать? Свою умственную выдержанность. Вершинина не существует. Думайте, что он абстракция.

Старушка. Нужно думать, как вывезти нас из тайги, а не о том, чтоб только чай пить, только чай пить!

Входит Обаб.

Обаб. Эй, вы, чревовещатели, марш по теплушкам!

Входит Незеласов.

Незеласов. Обаб! Час назад я распорядился, чтоб трогался бронепоезд.

Обаб. Извольте корреспонденцию, господин капитан!

Незеласов *(просматривая телеграммы)*. Но не для получения же корреспонденции мы стоим здесь два часа?

Обаб. Проверяем путь. Кое-где провода перерезаны. Думаю, партизаны...

Незеласов. Для меня не существует: «думаю». Для меня существует: «знаю». Партизаны? Путь разобран? Немедленно составить ремонтную группу! Под усиленным казачьим конвоем поместить в соседний с паровозом вагон! Набрать воды, угля. Быстро!

Обаб. Слушаюсь, господин капитан! *(Уходит.)*

Входят начальник станции и беженцы.

Начальник станции. Беженцы требуют, господин капитан...

Беженцы. Просим, просим.

Начальник станции. Беженцы требуют, чтоб их поезд везли к городу, господин капитан... а у меня насчет пути совершенная...

Незеласов. Совершенная каша у вас в голове! Через десять минут мой бронепоезд пройдет и расчистит путь и сможете отправить беженцев дальше. *(Кладет депеши рядом с собой на скамью, опускает щенка и играет с ним.)* Иси, иси, дурачок! Глаза умные, а сам ни черта не понимает.

Начальник станции. С людьми тоже так же бывает, господин капитан.

Незеласов. Особенно с такими ротозеями, как вы.

Входит Обаб.

Казаки вернулись с объезда? Партизаны на линии замечены?

Обаб. Настроение мужиков враждебное.

Начальник станции. Совершенно враждебное, господин капитан!

Незеласов. Я спрашиваю вас не о настроениях, тем более мужицких, а я спрашиваю вас: замечено ли на линии движение партизан? Я должен рассеять это движение. *(Показывая депешу.)* В депеше значится, что к станции с минуты на минуту должны прибыть американские и японские составы. *(Начальнику станции.)* Есть у вас доказательство приближения американских поездов?

Начальник станции. Телеграфные провода перерезаны, господин капитан.

Незеласов. Но я приказал послать вместе с казаками связистов. Послать ко мне казаков!

Молчание.

Обаб! Где казаки?

Обаб. Перебиты, господин капитан.

Незеласов. А связисты?

Обаб. Перебежали к противнику.

Незеласов. Мост на двухсотой версте охраняется?

Обаб. Охрана есть, но жива ли она — неизвестно.

Незеласов. Послать два взвода из резерва бронепоезда! Послать по линии связистов! Срочно добиться связи с американским командованием! За неисполнение приказа — расстрел.

Обаб *(начальнику станции)*. Слышал? Ну, смекай, Гаврила.

Начальник станции *(телеграфисту в окошко)*. Срочно добиться связи с американским командованием. Фу-у... как бы мне этот проклятый бронепоезд отправить? *(Уходит.)*

Входят Син Бин-у с корзиной семечек, первый и второй рыбаки.

Син Бин-у *(оглядываясь)*. А, знакомый места. Я плписка лаботал, ехал мимо-мимо. Кипяток здесь бели, кусай. Я садись? Где я садись?

Первый рыбак. Сюда садись, китай, здесь виднее все.

Второй рыбак. Да подороже торгуй, чтоб Никите Егорычу убытку не было.

Син Бин-у. Моя сильно злой есть, моя холосо толговать буди.

Рыбаки уходят.

*(Берет в горсть семечки и ссыпает их обратно в корзинку, приговаривая.)* Э-э, семиска ести. Сибко холоси семиска ести, покупайла! Семиска!..

Входит Никифоров — машинист бронепоезда.

Никифоров *(хмурый, неторопливый и, видимо, очень недалекий умом)*. Сыпь. Два стакана.

Син Бин-у *(насыпает два стакана)*. А деньги?

Никифоров. Чего?

Син Бин-у. Деньги.

Никифоров. Патент имеешь?

Син Бин-у. Патента? Нету. Семиска много у белый баска. У-у... сибалситы...

Никифоров. Чего шебуршит, где?

Син Бин-у. Голова сибалситы много, а думать мало.

Никифоров. А тебе, что же, камень чтобы в голове лежал?

Голос Незеласова. Старшего фейерверкера ко мне в вагон! Живо!

Син Бин-у. Это кто есть?

Никифоров. Капитан Незеласов, командир бронепоезда. Понял? Он вашего брата вне всякого закона шлепнуть может.

Син Бин-у. Да, может. Блонепоезда все лусский офицела ести? Амеликанский офицела нетю? Японский нетю? Английский нетю?

Никифоров. А тебе зачем?

Син Бин-у. Белый лусский офицела семиска покупай ести, его семиска кусай. Амеликанза, японза, инглиз семиска кусай нету. Моя сибко толговай хосу.

Никифоров. Дурак ты, как я на тебя посмотрю. Кабы тут американцы были, они б тебя давно — ак, ак! У них насчет Азии это скоро.

Син Бин-у. Сколо, сколо, да. Азия их тоже сколо, сколо — да?..

Никифоров. Чего?

Син Бин-у. Я амеликанза, японза ожидайла. Она семиска все у меня покупайла?

Никифоров *(передразнивая)*. Всю корзину твою покупайла. Эх, жаден ты, вижу! Из крестьян прифронтовой полосы без патента торговать тут бы никто не осмелился.

Син Бин-у. Моя илиска лаботай. Японза... фанза моя... сжигала. Жена, дети убивала... Моя одна остался... голода ходила — тоже никого нетю... моя семиска стала толгую...

Никифоров. Жалко, что и тебя японцы не прикокошили.

Син Бин-у. Да, жалко, жалко... Блонепоезд много солдат остался, много моя семиска покупай будет? Семиска моя много плинести надо?

Никифоров. По стакану если каждому, стаканов сто надо. Да ведь все равно ни копья тебе не заплатят, ха-ха!

Вбегает начальник станции.

Начальник станции. Господин прапорщик! Американское командование у аппарата! *(Уходит в станцию.)*

В здание станции поспешно входит Обаб.

Син Бин-у. Командила блонепоезда ести? Сибко селдитый командила, у!.. Белый командила много блонепоезда ести?

Никифоров. А тебе чего от меня надо? Ты чего все выспрашиваешь?

Син Бин-у. Сибко жалко капитана. Капитана мало блонепоезда, спать, есть плохо. Кокаина надо. Моя к амеликанза поехать можна, кокаина доставайла.

Никифоров. Ха-ха! То-то, я думаю, какая тебе выгода тут семечками торговать. Кокаин, значит, достаешь? У американцев?

Син Бин-у. Амеликанза где?

Никифоров. А черт их знает! Тайга большая.

Син Бин-у. Тебе тоже сильно волнуйся, а? Тебе тоже кокаину?

Никифоров. Нет, я, брат, не волнуюсь. Я, брат, всегда закон выполняю, предписание, понял?

Входит начальник станции.

*(Начальнику станции.)* Вы почему, ежели начальник станции, без фуражки? Раз закон, предписание — носи фуражку. *(Уходит.)*

Начальник станции. Закон? А колокол кто у меня упер?

Появляются беженцы.

*(Входящим по одному беженцам.)* Как мне жить без колокола? Вы меня замотали!

Дама в манто. Но мне доподлинно известно, что тайга горит и подходит Вершинин, всех расстреливая!

Учитель. Госпожа Воробьева, соблюдайте душевное целомудрие, не волнуйтесь.

Первый беженец. Партизаны вышли на железнодорожные пути.

Второй беженец. И американцы и англичане отступают!

Начальник станции. Ничего подобного. Уши у вас чрезмернейшие. Сообщение имеем по всей линии, и на всей линии полное благополучие. Вот только что английский генерал Рокс няньку разыскивал, награду обещал.

Старичок. Но тогда почему наш поезд не двигается вперед? Ведь мы же купили билеты!

Из здания станции выходит Обаб.

Обаб. Господин капитан, господин капитан!

Входит Незеласов.

Вот! *(Протягивает депешу.)* Американцы сюда не прибудут.

Незеласов. Почему?

Обаб. Их атакуют партизаны.

Незеласов. Чепуха! Заслоном между американцами и партизанами поставлены войска генерала Голованова. Куда они девались?

Обаб. Войска генерала Голованова разбиты Вершининым.

Незеласов. Просто голова кругом... Но ведь рядом с войсками Голованова стояли войска генерал-лейтенанта Сахарова. Где они?

Обаб *(роясь в депешах, которые держит Незеласов)*. Тут где-то написано...

Незеласов *(читает)*. «Генерал Голованов повешен партизанами...» «Генерал-лейтенант Сахаров скрылся неизвестно куда...» Позвольте, Обаб, но кто же наше непосредственное начальство?

Обаб. Не могу знать.

Незеласов *(в бешенстве)*. Превосходно! Мы предоставлены самим себе? Очень хорошо. Ну что ж, раз американцы не идут ко мне на выручку, я пойду к ним. Приказано было составить ремонтную группу рабочих. Где группа?

Обаб. Распоряжение сделано, господин капитан.

Незеласов. Однако странно воевать, не имея высшего командования! Мы что же, переходим всецело под командование к американцам, а?

Обаб. Не моя обязанность думать, господин капитан. Я — что обойма, пулеметная лента. *(Уходит.)*

Незеласов. Однако, черт возьми, надо разобраться в этих телеграммах! *(Собирает клочки брошенных телеграмм.)*

Дама в манто *(сопровождаемая другими беженцами)*. Нас все еще не отправляют, господин капитан. А здесь опасно. Сюда, говорят, приближается Вершинин?..

Незеласов. Какой Вершинин? Чего болтаете?

Дама в манто. Но Вершинин, говорят, поднял все губернии...

Незеласов. Тем не менее я всех охраняю и юхраню.

Дама в манто. На вас, господин капитан, вся наша надежда.

Первая дама. Вершинин нас всех вырежет.

Незеласов *(со сдержанной злостью)*. Вон!

Выстрел. Беженцы скрываются.

Голос Обаба. Тащи сюда, сюда, тебе говорят, тащи его.

Обаб и два солдата втаскивают мужичонку весьма жалкого и запуганного вида.

Мужичонка. Кто там по линии бродит, откуда мне знать, ваше благородие? Я же не воюющий!

Незеласов. Кто этот мужик?

Обаб. За водокачкой — двое подозрительных. «Стой!» — они по коням. Этот остался...

Мужичонка. Да мимо я шел, ваше благородие!

Незеласов. Партизан? Ко мне в вагон, допросить! Обаб! Где же ремонтная группа рабочих? Бронепоезд без нее не может выступить.

Обаб. Рабочие разбежались, господин капитан. Ремонтную группу составить нельзя.

Незеласов. Разбежались? Обаб! Сжечь дома у этих бежавших, уничтожить их семьи! Партизана расстрелять! *(Уходит.)*

Мужичонка. Ваше благородие, как же со мной-то? Как же?

Обаб. А так с тобой, что идем. Другие бы из тебя жилы вымотали. Благодари бога, что перед смертью офицера встретил.

Солдат. Ты бы, дядя, синий горох, сапоги сейчас снял. Возись с тобой, мертвым-то.

Мужичонка, мало что понимая, судорожно сдергивает сапоги.

Обаб *(вынимает револьвер, закуривает папиросу, стукнув ею о портсигар)*. Живей!

Солдат *(помогая снять сапоги)*. Вот и будешь теперь, как их благородье говорит, лежать ты ненадруганный.

Уводят мужичонку. Револьверный выстрел. Вбегают беженцы.

Первый беженец. Что такое происходит? Кто стреляет?

Учитель. Да это из револьвера!

Далекие выстрелы.

А вот это, кажется, из винтовок.

Первый беженец *(влез на кипятильник)*. Тысячи, тысячи, исчислить невозможно!

Учитель. Господи, ведь вечер — темно уже! Кого вы видите?

Первый беженец. Я партизан и ночью разгляжу!

Входит начальник станции.

Начальник станции. Что такое? Кто обстреливает?

Проходит солдат с сапогами.

Солдат. Казак прискакал. Партизаны, говорит, наступают к мосту на двухсотой версте.

Дама в манто. Вот и достоялись!

Старичок. Анна Петровна! Как нам быть?

Входит Обаб.

Обаб. Вон отсюда, гниды! Господин капитан!

Входит Незеласов.

Незеласов. Обаб, допросите партизана: какими силами они идут на мост у двухсотой версты?

Обаб. Партизана уже нет в живых, господин капитан.

Незеласов. Тогда казака, доставившего донесение.

Обаб. Ранение в голову, он без памяти.

Начальник станции. Подозревают, господин капитан, что партизаны хотят взорвать мост...

Незеласов. Мост? Обаб! Позвать машиниста бронепоезда!

Обаб. Никифоров, сюда!

Голоса *(отдаленные)*. Никифоров, сюда!

Незеласов. Взорвут... Взорвут... Ну, достопочтенный, убеленный сединами господин Спасский, вы рады? Ваш план удался. Капитан Незеласов и его бронепоезд замурованы в тайге? Капитан Незеласов отрезан от американцев? Капитан Незеласов подведет их?.. Врете!!

Входят Никифоров и Обаб.

Никифоров! Поручаю тебе выполнить геройский приказ. Мы идем выручать американцев. К линии приближаются партизаны, но мы размечем их артиллерийским огнем.

Никифоров. Так точно!

Незеласов. Ремонтную группу, Обаб, составить из юнкеров и артиллеристов. Вы, Обаб, и вы, Никифоров, представлены к «Георгию!»

Никифоров. Мой отец, ваше благородье, сто десятин имел да батраков... потому наследство отняли большевики вне закона! А я закон чту больше бога, ваше благородье.

Незеласов. Здесь закон — я.

Никифоров. Я, ваше благородье, всегда поезда вожу по закону, по инструкции. Сказано по инструкции — паровоз во главе поезда... Я не могу вести бронепоезд, когда мне велят ставить паровоз в середине состава!

Незеласов. А, дьявол! Ну, ставьте паровоз во главе состава. Еще?

Никифоров. Еще на маневры, на воду не меньше часу...

Незеласов. Ды вы с ума сошли? Они взорвут тем временем мост. *(Хватаясь за револьвер.)* Немедленно к мосту!..

Обаб *(положив руку на его револьвер)*. Господин капитан, машинист у нас один, помощник неопытный, угробит...

Жестом Обаб прогоняет машиниста, усаживает Незеласова на скамейку. Вдали, у палисадничка, сидит Син Бин-у, внимательно наблюдая за происходящим.

Незеласов. А-а, генерал Спасский! Врете! Мой бронепоезд не так легко замуровать! Я встречусь с американцами, я прорвусь к морю! И вас, господин Спасский,— к стенке, к стенке!.. Я — диктатор! Я спасаю Россию!.. Я!.. Я!.. *(Схватился за голову, пошатнулся.)*

Обаб *(подхватил его, усадил на скамью)*. Сейчас схлынет, господин капитан. Вот водицы испейте — и пройдет.

Незеласов. Все пропало, Обаб! Все пропало! Мы, прапорщик,— трупы. Всем нам — лопата, могила!.. *(Видит китайца.)* Обаб, видите, сидит. *(Снимает кольцо и передает Обабу.)* Кокаину.

Обаб *(подходит к китайцу)*. Кокаин, ходя, есть?

Син Бин-у. Кокаин нетю. Семеска еся...

Обаб *(бьет ногой в корзинку)*. Пшел! *(Возвращается к Незеласову.)*

Входит Никифоров.

Никифоров. Господин капитан, паровоз готов.

Незеласов. Готов? Вперед, бронепоезд 14-69! Вперед, последнее слово российской техники! *(Уходит.)*

## КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Еще до открытия занавеса слышны возгласы людей, скрип телег, ржание коней.

Занавес медленно расходится.

Видна крыша сельской церкви, служащая и помещением штаба партизанской армии и наблюдательным пунктом, откуда видно течение боя. На колокольне, возле колокола, стол, стулья, а к перилам прикреплен красный флаг. Церковь находится на холме. Кругозор с нее очень велик. Тайга, пересекающая ее темная река. Можно разглядеть и темно-желтую полосу железнодорожной насыпи, вьющейся по тайге.

На крыше стоит и сидит много крестьян, вооруженных винтовками, берданками, шашками. У стола Вершинин, рядом, глядя вниз с крыши, стоит Васька Окорок, молодой белокурый парень в алой рубахе и голубой кавалерийской фуражке.

Васька Окорок. Никита Егорыч! Идут! Во, смотри, по всем дорогам валит народ!..

Вершинин. Какая волость подошла?

Старик. Гришатинска волость, Никита Егорыч.

Вершинин. Выдать им обвооруженья сколько надо! Гришатинцы пойдут на Тамбульскую просеку: против французских частей.

Окорок. Эй, гришатинцы, поворачивай на Тамбульскую просеку: вам французов бить!

Крики снизу: «Ура-а!»

А там кто? *(Вершинину.)* Мутьевская волость появилась, Никита Егорыч.

Вершинин. Мутьевцев на Прислужный тракт: японцев трепать!

Окорок. Мутьевцы, на Прислужный! Сметай японца!..

Гул и крики снизу.

Ух, мутьевцы хорошо дерутся, Никита Егорыч. А там кто? Онисимовцы, Никита Егорыч!

Вершинин. На англичан.

Окорок. А мне с ними можно, Никита Егорыч?

Вершинин. Когда тебе, Васька, будет можно, сам скажу. Кто еще подошел?

Старик. Митрофановцы. А там, подале-то, сосновцы идут.

Вершинин. Митрофановский уезд и Сосновский — все на американцев! Скажи, сам поведу.

Окорок *(вниз)*. Сосновцы, митрофановцы, на американцев! Никита Егорыч сам с вами в бой пойдет.

Снизу крики: «Ура-а!..»

Старик. Сколько народу-то поднял, Никита Егорыч! Третий день в бой идут. Тысщ, поди, сто пришло.

Окорок. Не меньше, как мильон. Звать, что ли, всех на заседанье штаба, Никита Егорыч?

На крыше показывается ветхий дед.

Вершинин. Постой, китайца все нет. Цел ли? Дед, а тебе чего?

Ветхий дед. А я помолиться хотел. Вошел, а в храме-то пулеметы да ружья. Вы что с храмом божьим сделали, дьяволы? Бога рушить хочете?

Вершинин. Не бога, дед, а всех этих чужеземных волков. Вон они со всего свету сбежались терзать Расею. Тебе Расея, дед, нужна?

Ветхий дед. А как же мне без Расеи жить-то? Чать, я тоже русский.

Вершинин. Ну, так молись, дед, за Расею да за то, чтоб взрыв сейчас хороший произошел. Мост через Мукленку на двухсотой версте взрываем.

Ветхий дед. Взрываешь? А кто мост этот строить будет? Опять мы?..

Окорок. Откуда он взялся, провокатор тиковый? Дать, Егорыч, этой стерве в зубы?

Ветхий дед срывается вниз по лестнице.

Вершинин. Бог... Бог-то бог, да сам не будь плох. Бог вот дал американцам все село спалить, а себе, видишь, колокольню оставил. Нам такого бога не надо! Трижды семь — двадцать один. Вот это верно. А то бог!.. А девятью девять сколько? Вот это бог его знает. Когда помню, а когда забываю.

Окорок *(вниз)*. Ребята, а вы каких уездов?

Голоса *(снизу)*. Подлисьевского уезда, Каменданского!

Окорок. Подлисьевцы да каменданцы пришли, Никита Егорыч! Что им прикажешь?

В е р ш и н и н *(подходит к краю крыши, вниз)*. Подлисьевцы! Каменданцы! Крестьяне! Товарищи! Всем вам идти на американцев, бить их у Мутьевки и бросать в реку. Двигай!

О к о р о к. Двига-ай!..

Г о л о с а *(снизу)*. Ура-а!..

В е р ш и н и н. Будут люди после нас жить хорошо или не будут?

О к о р о к. Какие люди?

В е р ш и н и н. Всякие люди, которые работают. Люди, которые на земле живут.

О к о р о к. Это их дело: хорошо или плохо жить. Однако, по-моему, хорошо обязаны жить, сволочи.

В е р ш и н и н. Илья Герасимович Пеклеванов, верный человек, говорил: не сомневайся! И как быть по-другому? Что же, зря мы сейчас тысячи людей на американские пулеметы бросаем? Для чего мне их губить, если все это зря?..

О к о р о к. Никита Егорыч! Китаец вернулся.

В е р ш и н и н. Ну? Давай его сюда!

О к о р о к. И то взбирается! Вон, вон! Лицо-то, смотри, довольное. Здравствуй, друг!

Входит С и н  Б и н - у.

С и н  Б и н - у. Здлавствуй, Вась, здлавствуй!

В е р ш и н и н. Ну, что принес, Синбину? Какова твоя разведка?

С и н  Б и н - у. Станция капитана Незеласов есть. Сибко нехолоси капитана. Такая солта палсивая! Сибко блонепоезд свой гони-гони к мосту.

В е р ш и н и н. К какому мосту?

С и н  Б и н - у. Моста двести велст.

О к о р о к. На двухсотой версте, Никита Егорыч! А чего он к этому мосту гонит?

С и н  Б и н - у. Ему амеликанза, японза помогай надо. Ему без амеликанза плохо жить надо.

В е р ш и н и н. Ага! На соединенье идет? Сведения он какие получил?

С и н  Б и н - у. Плохо сведенья. Ему плохо сведенья. Ему тепель белой алмии самый главный селовека есть, а ему плохо. Амеликанза без ему плохо, ему без амеликанза совсем подыхай есть.

Вершинин. Значит, правильно я сделал, что послал мост на двухсотой версте взорвать. *(Смотрит вдаль.)* Успеют ли? Ну, как бронепоезд проскочит?

Окорок. Ребята не таковские, взорвут.

Вершинин. А кто спорил, что мост взрывать не надо?

Гул взрыва. Все прислушиваются.

Покончили с мостом. Успели. *(Всем.)* Товарищи крестьяне! Перво-наперво — вечная память нашим братьям, которые сейчас бились у моста, подвели под него динамит и погибли. Наших, поди, погибло... Одним словом, кто погиб,— вечная тому память!..

Колокольчик вдали. Внизу взволнованные голоса.

Окорок. Никита Егорыч! Кто-то незнакомый скачет.

Голос *(снизу)*. Из города! От ревкому!

Вершинин. Давай его сюда!

Появляется Знобов.

Знобов?

Окорок. Знобов!

Знобов. Васька? Здорово! С самого германского фронту не виделись, а?.. Никита Егорыч! Командирован я для общей директивы по деревням, а вам ревком приказал сказать, что все к восстанию готово.

Вершинин. Пеклеванов? Сам?

Знобов *(передавая бумагу)*. И письменно пишет. Ждем, дескать, всю вашу армию в город.

Вершинин. Иду. Василий, вдарь в колокол, сзывай народ!

Окорок бьет в колокол.

*(Знобову.)* А мы, брат Знобов, мост на двухсотой версте взорвали и бронепоезд 14-69 от американцев отрезали.

Знобюв. Хвалю. Бьетесь славно! Ну, мы тоже в городе силенок немало накопили.

Вершинин *(вниз)*. Товарищи! Слово скажет член городского подпольного ревкома Знобов.

Знобов. Товарищи! Революционный пламенный вам привет, товарищи партизаны, от штаба восстания в городе. Восстание в городе вспыхнет с минуты на минуту, и оно будет сокрушительным для интервентов и для тех

мерзавцев, которые им продались. Так сказал Пеклеванов, так сказала партия, а что она скажет, то верно.

Аплодисменты, крики «ура!»

Товарищи, вы взорвали мост, вы громите войска интервентов, вы разгромили уже белые войска, вы отрезали от американцев бронепоезд 14-69, вы идете к городу. И мы вас там встретим с честью, в нашем славном портовом городе. Одним словом, крой и никаких гвоздей!

Крики: «Ура-а!»

Рабочий класс Дальнего Востока еще раз покажет, как он может биться за Советскую власть!

«Ура!»

Что же касается международного положения, то оно в пользу Советской России. Трудящиеся всех стран требуют от своих правительств, чтобы войска интервентов — американцы, англичане, французы, японцы и другая мразь — немедленно покинули пределы нашей Родины. А белые, они, товарищи, бегут! В недуг души вдарило. Оземь бьются, трепыхаются. А... наше дело жару наподдать.

Все. Ура-а!..

Вершинин. Петрова, командира сорок третьего полка, сюда!

Окорок. Сергей Петрович, к штабу!

Входит Петров.

Петров. А я здеся, Никита Егорыч!

Вершинин. Петров, ты пять раз был ранен в бою. Награждаю тебя почетным поручением. Ты проберешься в город и пойдешь к товарищу Пеклеванову.

Петров. Спасибо, Никита Егорыч!

Вершинин. Командование сорок третьим передашь Василию Окороку. Ты пять раз был ранен в бою, а Василий только три. Ему надо подравняться.

Окорок. Ужо подравняюсь, Никита Егорыч!

Вершинин. Пеклеванову скажешь, Петров, так: все твои приказания, Илья Герасимыч, получили и выполним. Мы идем к городу. Слышите, мужики?

Радостный гул толпы

Идем к городу, поднимай восстанье, Илья Герасимыч!

С т а р и к. Поднимай, Илья Герасимыч! Не давай землю ни американцу, ни японцу.

В е т х и й д е д *(показываясь)*. Никому земли, православные, не давайте. Гоните всех!..

М у ж и к в в а л е н к а х. Не давай землю! Мира хотим. Со всей Сибири идут к нам армии за Советскую власть бороться.

О к о р о к. Вот наволокли мы, Знобов, народу! Гляди, какие все ухобаки-парни, германского бою солдаты.

З н о б о в. Армия хорошая.

В е р ш и н и н. Гляжу я на народ, Знобов, и душа у меня пищит, будто котенка на мороз бросили. Не понимаю... Мост вот взорвали, новый строить придется. Пошто так, Знобов? Умом я еще до многого не дошел, Знобов. Ну, выгоним мы американцев, японцев, англичан, освободим всю Расею... Так ведь ею надо управлять... а таких, как я, много... Как же я Росеей-то управлять буду, неученый-то? Кто меня поведет? Кто научит?

З н о б о в. Партия. Большевики. И поучат, и поблагодарят, Никита Егорыч, и детям своим, и внукам своим будут про твои подвиги рассказывать...

В е р ш и н и н. Какие там подвиги! При подвигах-то человек спокойно спит, а я вот глаз сомкнуть не могу: все боюсь, как бы что не проворонить. Слушай, Знобов! Скажи ты Пеклеванову: Вершинин, мол, горячо тревожится за тебя, видеть тебя хочет, Илья Герасимыч. *(Тепло и тихо.)* Золотой, светлый человек, яркий, как молонья...

С и н Б и н - у *(Знобову)*. Сибко Пеклеванов холосий есть. Моя здеся воюй, Китай потом ехал. Моя весь китайски клестьян Пеклевано лассказывай есть! Сибко много лассказывай!..

О к о р о к. Нет, Синбину, я тебя в Китай не пущу. Мы войну кончим, землю вокруг нашей деревни всю вспашем, засеем и в Москву учиться поедем.

С и н Б и н - у. Моя Китай тоже пахать надо многомного.

С т а р и к. Пахать нам всем надо. И будем пахать, потому за нас Питер... Итернаципал... И все другие земли за нас! Верно, Знобов?

З н о б о в. С того и живем. Прощайте, я погнал. Петров, ты как?

Петров. Готов.

Знобов и Петров уезжают.

Вершинин *(шумно и радостно вздыхая).* Ну, кажись, все, слава богу, хорошо. *(Мише, который наигрывает на флейте.)* Миша! Отложи дудку. Будя, поиграл! Поди, Миша, с почетом встреть героев, которые при взрыве моста уцелели.

Миша уходит.

Окорок. Никита Егорыч, а кому штабные дела передать?

Вершинин. Мухоярову.

Появляется баба в розовом платке.

Баба. Православные! Православные! Наши-то мужики мериканца пыймали.

Суматоха. Появляются мужик, сопровождающий американца, и американец в летной форме.

Мужик, сопровождающий американца *(американцу).* Стой здеся! Никита Егорыч который?

Окорок. Да вот он перед тобой. Ты рассказывай скорей, как пымали-то?

Мужик, сопровождающий американца *(подталкивая американца к перилам).* Привели мы его к тебе, Никита Егорыч, как, значит, о справедливости твоей слава. Наш-то полк из Вознесенской волости состоит, а бьемся мы с этими мериканцами вдоль Мукленки.

Вершинин. Знаю. Ладно бьетесь.

Окорок. Сам-то какой деревни?

Мужик, сопровождающий американца. Кто?

Окорок. Ты.

Мужик, сопровождающий американца. Я-то? Мы вместе с нашим селом воюем... Пепино, село, слышал?

Окорок. Пожгли, сказывают?

Мужик, сопровождающий американца. Пожгли. Ну, и сволочь же! Прямо гнида, а не нация! Вот у вас хоть колокольня осталась, а у нас все село спалили. Ну, озлились мы, обворужились, встали под твою команду, Никита Егорыч, и давай крушить их!..

Первый рыбак. Одну муку примам, понятно!

Окорок. А дале-то, дале как?

Мужик, сопровождающий американца. А дале так, что ехали они, мериканцы-то, на траппанках... в жестяных ведерках молоко везли! Чудной народ, как посмотрю! Завоевывать нас приехали, а молоко жрут со щиколадом. Ну, которых мы тут побили, а этот в ту пору руки задрал и кричит: «Пролетар, пролетар!» Прах его знает, може, он и на самом деле пролетар. Вот мы и привели его к тебе, Никита Егорыч. Суди! Судите, мужики, судите!

Мужики *(с возрастающим гневом)*. Чего там судить? Пристрелить его.

— Бросай с колокольни, и никаких!

— Ишь забрались, хозяйничают, будто у себя.

— Да и у себя-то так постесняются.

— Просили их сюда?! Убить!

Окорок. Убить? Убить человека всегда можно. Очень просто. Плевое дело убить. Вон их сколько по нашим деревенским улицам убитых-то валяется. А сегодня у нас, братцы, счастье. Пеклеванов жив-здоров, восстание готовит; интервентов мы лупим; мост взорвали; бронепоезд 14-69 в угол загнали... Мы вот пообедаем, самогону выпьем, а тогда, почесь, голой рукой этот бронепоезд заберем. Вот и выходит, что... надо, братцы, упропагандировать нам эту курву американскую. Ну, а коли не поймет он нашу душу, тогда мы его и кокнем.

Мужики *(развеселившись)*. Хо-хо-хо!.. Да ты хоть прореху-то застегни, Васька!

— Валяй, Вась, запузыривай!

— На камне и то слова долбят, а это, какой ни на есть, человек!

— Василий, он хоть и мериканцу, а втемяшит!.. Ха-ха-ха!..

Баба *(американцу)*. А ты вникай, вникай, дурень. Тебе лучшего они хочут.

Син Бин-у. Аникая... Аникая...

Окорок *(бойко, американцу)*. Слухай, парень! Ты им, своим-то, разъясни подробно. Расея — это одно. Америка — это другое. Чего они в Расею лезут? На чужом добре разбогатеть хотят?

Мужики. Со всех стран на нас навалились!

— Чего вам не люба Советска власть?

— Чего вы нам мирной жизни не даете?

Старик. Видишь, как народ-то разозлен. А русского, парень, злить негоже. Русской, он разозлится, так он не то что твою Америку, он все разнесет! Люди вы образованные, должны это понять.

Мужик в валенках. Мы не разбоем занимаемся, мы землю свою в порядок приводим.

Син Бин-у. Своя земля в полядок, а? Моя Китая тоже в полядок надо, да?.. Твоя амеликанза купца нам плиходила полядок везла, нам полядок твоя не надо!

Мужики. Верно! Верно, китай!..

— Докуда это ихние купцы вас пушками угощать будут?

Американец. Камрад, ай донт андерстенд [1].

Мужики совершенно не ожидали этого. Они переглядываются. Васька Окорок опешил и даже отступил назад.

Старик. Не вникат: совсем чужой земли человек.

Мужик в валенках. Пустой! По-русски-то не понимат! Вот — бедность!

Мужик, сопровождающий американца. Да отдать его в обоз, чего тут с ним чертомелиться!

Окорок *(раздумчиво)*. Нет, он должен нас понять. Тут надо только такое слово найти... Эх, кабы да какую умную книжку.

Баба. Книжки-то все по-русски, да и те покурены.

Окорок. Ишь ты! А надо все-таки дойти до него. Стой! *(Радостно взмахивает руками, хватает американца за грудь и подтягивает к себе. В упор кричит ему.)* Ты, парень, слухай! *(Очень раздельно, все более и более повышая голос.)* Ле-е-е-ни-ин... Ленин!..

Американец. Ленин?.. Ленин ура!

Окорок *(стуча себя в грудь)*. Мы, пес ты этакой, советские люди! Советская республика!..

Американец. Республик? Совет? Ура!..

Мужики *(весело)*. Понимает!.. Понимает, ля-ля.

— А Васька-то, Васька по-американски кроет!

— Васька, ты ихних-то буржуев...

— ...по матушке!

— Ха-ха!..

[1] Не понимаю, товарищ.

Баба *(притащив громадную икону)*. Вот разве по картинке? Она хоть и святая, так и тут святое дело разъясняется.

Окорок. Святая? Мы и по святой можем. *(Читает надпись.)* «Авраам приносит в жертву Исаака». Очень хорошо. *(Послюнив палец, растирает икону. Американцу.)* Слухай! Вот этот, с ножом-то, буржуй. Ишь, брюхо-то распустил. Часы б ему с цепочкой на такое брюхо. А вот тут, на бревнах-то, связанный вьюноша, пролетариат лежит. Понял? Пролетариат!

Син Бин-у. Плолетали... Моя — плолетали... Эта вся — плолетали.

Окорок. Все мы здесь пролетариат — понял?

Американец. Пролетариат? Ай эм уоркер фром Детройт отомобиль уоркс![1]. Работчи... я... работчи... отомобиль. *(Показывает жестами.)*

Окорок. Автомобиль? *(Всем.)* Видал? Рабочий он. Насильно его мобилизовали.

Старик. А пусть он документы покажет.

Баба. Да по роже видно, мужики, не буржуй он.

Мужики. Валяй, Васька, запузыривай!

— Лупи!

Окорок *(схватив американца за голову, глядя ему в глаза)*. Парень, ты скажи им там... за морями-то... чтоб... Эх, сгорит ради добра наша Расея, и прах с ней... Слухай. Ну вот, лежит наш пролетариат на бревнах, а буржуй его режет. А на облаках *(показывая)*, вот тут, в виде бога, американцы, японцы, англичане, вся эта сволочь империализма сидит и распоряжается!

Американец. Империализм? Империализм долой!

Мужики. Верно!

— Гони их!

Син Бин-у. Нетю лусски, нетю. Нетю китайза, нетю. Нетю амеликанза, нетю. Ести все одна плостая, тлудовая селовека, она мила хосет. Санго.

Окорок. Вот и все. Никита Егорыч. Упропагандировал.

Вершинин. Накормить его теперь. А накормивши, вывести на дорогу и отпустить.

Окорок *(все еще возбужденный)*. Разъяснить всем

---

[1] Я рабочий детройтских автомобильных заводов.

можно. Надо только сердце иметь. *(И, не в силах подавить своего возбуждения, запевает, пляшет. Мужики подхватывают припев).*

Табак английский,
Мундир российский,
Погон японский,
Правитель омский...

Эх, шарабан мой, американка,
А я девчонка да шарлатанка!

Табак скурился,
Мундир сносился,
Погон свалился,
Правитель скрылся...
Эх, шарабан мой, американка...

Шум, бег, крики внизу. Врывается Миша, за ним мужик с перевязанной щекой. Миша бледен, весь дрожит.

Миша. Да перестаньте вы петь, а-а...

Мужик с перевязанной щекой. Никита Егорыч...

Вершинин *(грозно)*. Ну?

Мужик с перевязанной щекой. От моста я, Никита Егорыч...

Вершинин. Вижу.

Мужик с перевязанной щекой. Прорывались мы к мосту, Никита Егорыч, а там — американцы да казаки, да с пулеметами. Подступа нет... И моста-то мы, Никита Егорыч, не взорвали.

Вздох толпы. Пауза.

Вершинин. Не взорвали? А грохот откуда мы слышали?

Мужик с перевязанной щекой. Динамит несли обратно, Никита Егорыч. Ребята малоопытные, пробовали, что ли... я впереди шел, далеко. Ну, и вышло, что сами себя взорвали. Подбегаю. Кровь да шапки... Один только, Никита Егорыч, я и уцелел.

Вершинин. Уцелел ли? *(Стреляет)*.

Мужик с перевязанной щекой падает.

Окорок *(вставляя в карабин обойму)*. Мериканца тоже кокнуть?

В е р ш и н и н. Мериканец тут ни при чем. Пускай учится, как с трусами поступаем. Трусы — и вдобавок динамит загубили. Пустить, говорю, мериканца!

П е р в ы й р ы б а к. Глаза ему завязать, когда поведем?

В е р ш и н и н. Никому глаза не завязывать. Шире глядеть! *(Всем.)* Земляки, товарищи, да ведь бронепоезд-то к американцам прорвется... стыд-то какой... мост-то мы... ах, господи! Наврали мы с вами, мужики, Илье Герасимычу, нахвастались. *(В отчаянии.)* А-а, горе! Петрова к нему отправили: «Поднимай восстанье, Илья Герасимыч, мы свое обещание выполнили»... Где выполнили-то, где? *(Во весь голос.)* Всем к насыпи! Всем в бой! Бей набат! Качай, мужики, к насыпи! Митинг закрываю, помирать пора.

Звонит колокол, тревожно, набатно. Через сцену, хватая оружие, пробегают партизаны.

*З а н а в е с.*

## ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

### КАРТИНА ПЯТАЯ

Железнодорожная насыпь в тайге. Сумерки. Восходит луна. Слабо поблескивают рельсы. Шумит лес, широкими темно-зелеными валами поднимающийся в горы. Издали, от моста через реку Мукленку, слышна перестрелка. К насыпи выбегают партизаны. Впереди — Вершинин, Васька Окорок, Син Бин-у, Миша.

Вершинин. Здесь! Стой!

Голоса. Стой!.. Стой!..

Вершинин *(оглядываясь)*. Не слыхать и не видать. Думают, отбили партизан от моста, ну и покончили с ними. Спит небось капитан Незеласов, во сне невесту видит. Василий, есть у тебя невеста?

Окорок. До невест ли тут, Никита Егорыч?

Вершинин. А у тебя есть, Миша?

Миша. Конечно, есть, Никита Егорыч!

Вершинин. Подожди, не мешай: думаю.

Первый рыбак. Тише.

Все слушают.

Нет, не слыхать. Что ж делать-то, Никита Егорыч? Лес палить, загораживать ему дорогу?

Вершинин. Подожди: думаю.

Первый рыбак. Тише! Нет, я его и даве слышал. Гудет! Ишь, вверху, в горах где-то крутит и гудет. Гудет!

Окорок. И весело ж гудет, сука!

Вершинин. Весело? Не знаю, весело ли... Помнишь, Василий, ты хвастал? «Самогону выпьем, голой рукой возь-

мем». Бери голой рукой, бери!.. Мужики, мост через Мукленку цел. Ну, пусть он целым и останется: через него мы этот наш бронепоезд поведем! Обязаны мы, мужики, на этом бронепоезде в город на помощь к Илье Герасимовичу... Приказываю: путей не разбирать, моста не взрывать, бронепоезд взять в целости!

Общий вздох.

Голос. Приказ тяжелый.

Окорок. В целости? Да как же его взять в целости-то? Капитан Незеласов не трус, его нашим криком не напугаешь. Как же?..

Вершинин. Думай. Одним «ура» на войне много не сделаешь. Думами побеждают. Умом. Шестью семь — сорок семь.

Голоса. Руби тайгу!

Мужик в валенках. Чем его брать-то? Сталь ведь там, пушки! Своротить рельсы, да под откос.

Первый партизан. Верно! Где нам на нем в город!

Второй партизан. В город? Он как хватит по нам изо всех пушек!

Мужик в валенках. Под откос его свалим, и то слава богу.

Син Бин-у. Моя говолить надо!

Вершинин. Подожди, Синбину, потом скажешь. Ага! Под откос? Не хотите, мужики, выполнять мой приказ? Не хотите брать бронепоезд голыми руками? Спасибо, порадовали, отблагодарили вы меня за труды! Ну, что же, зря я, значит, вас сюда к насыпи привел. Простите, старики, и ты, молодежь, прости за беспокойство. Простите — и прощайте. Передайте командование кому другому, а я ушел. Да и вы бегите в тайгу, пока целы, пока капитан Незеласов вас к американцам не пригнал. Бегите, сибирские партизаны!

Окорок. Мне бежать?

Вершинин. Ну, а какой ты командир, Васька? Бросай пулемет, беги, спасайся. Може, когда Сибирь американцам отдашь, они тебя к себе в холуи возьмут?

Старик. А ты, Егорыч, насчет американских холуев поосторожней.

Вершинин. Ой, напугал!

Старик. Приказ твой только что вышел. Ну, люди и задумались, как его выполнять. Да и ты сам еще не сказал, как его надо выполнить. А чтоб мы, русские, американскими холуями стали, — это нам ни к чему. Холуями мы у господа бога не бывали, а не то что у американцев каких-то! *(Громко.)* Мужики, бери бронепоезд! Кати на нем в город!

Второй рыбак. Катить мы согласны, да как его взять-то?

Первый рыбак *(с раздражением)*. Вот ты всегда такой... жалобный!

Мужик в валенках. А верно, как возьмешь? Остановить его можно, скажем: накатаем на рельсы бревна...

Голоса. Бревна накатать, бревна!

Окорок. Бревна? Бревна он раскидает. Откроет по нам артиллерийский огонь, и под прикрытием огня команда раскидает бревна. И уйдет он опять... Рельсы разве взорвать?

Миша. Он их восстановит опять же под прикрытием огня. Я знаю: я в техническом обучался...

Окорок. В техническом? Миша, а нет ли у тебя такого способа, чтоб на ходу остановить бронепоезд? Скажем, паровоз самую малость повредить, чтоб его потом сразу же мы дальше двинули?..

Миша. Конечно, такого способа нет!

Окорок. Эх ты!.. Ложись, чего торчите на виду у насыпи!..

Молчание. Мужики отходят от насыпи Далекий гудок в горах.

Первый рыбак. Идет.

Второй рыбак. Идет!.. И воет же злобно и гудет же, бешеный пес!..

Первый рыбак. Где-то наши головы будут...

Первый партизан. Будут под бронепоездом, коли не будете думать, как взять его.

Миша подходит к Вершинину, который сидит, опустив задумчиво голову.

Миша. Извините, Никита Егорыч, а если б вот мертвая...

Окорок. Кто у тебя, Миша, мертвая?

Миша. Если бы мертвая туша...

Окорок. Да не понимаю я. Какая мертвая туша? Откуда?

Миша. Син Бин-у говорит, что машинист бронепоезда целиком, так сказать, подчинен железнодорожным инструкциям. Это значительно помогает нам.

Син Бин-у. Его, масинист, закон все влемя хвалила сибко.

Вершинин *(заинтересовавшись)*. Ну-ну, дальше?

Миша. А по железнодорожной инструкции, если на рельсах мертвая туша...

Окорок. Откуда мертвая туша?

Вершинин. Не мешай, Василий!

Миша. Ну, я не знаю откуда! Конь мог идти, упал на рельсы, или какой другой зверь... Словом, по инструкции машинист обязан остановить поезд.

Син Бин-у *(убежденно)*. Его поезда обязательно остановила. Я его знала холосо-холосо. Мелтвой туса положила лельсы надо.

Вершинин. Откуда, милай, быть здесь мертвой туше? Шли мы сюда напрямки, через болота да скалы. Тут ни коню, ни волу, ни даже собаке пути нет. *(Помолчав.)* А если на рельсах труп человека?

Син Бин-у. Твоя, Никита Еголыс, холосо стреляла?

Вершинин. Умею.

Син Бин-у. Твоя лусе всех стреляй есть, знаю. Твоя пуля белка глаз ходила, стреляй есть.

Вершинин. И белке в глаз могу.

Син Бин-у. Селовека на лельса легла. Масиниста голову паловоза высовывай. Его смотлеть надо, сто на лельса лежала. Его ты глаз стреляй.

Вершинин *(громко, всем)*. Земляки, слыхали? Человек лежит на рельсах. Машинист высовывает голову взглянуть, кто лежит? Я тому машинисту, как белке, в глаз пулю. Товарищи, один из нас должен лечь на рельсы. Я понимаю... страшно...

Молчание.

Но только, по-моему, успеет машинист остановить поезд... не будет же он резать человека... Ну, товарищи!

Голоса. И зарежет!

— Не то страшно, что зарежет, а страшно одному лежать.

— Позволь всем миром лечь, Никита Егорыч!

— Одному лежать страшно.

Вершинин. Зачем всем? Один должен лежать. Одного я вызываю добровольца! Последний раз спрашиваю, товарищи. Ну?!

Голос *(издалека)*. Сам ложись!

Вершинин. Сам? *(Идет к насыпи.)* Ну, сам-то я лягу...

Окорок *(преграждая ему путь)*. Никита Егорыч, не допущу.

Старик. Да и общество не допустит. Общество, верно?..

Партизаны. Кто допустит? Лучше все ляжем вместе.

— Народ скажет: Вершинин лег, а вы глядели!

— Не пускай Никиту Егорыча.

Окорок. Нельзя пускать Никиту Егорыча. Он всему нашему делу голова. А тут ведь простое тело нужно. *(Снимает винтовку и револьвер.)* Я лягу.

Вершинин. Васька, песня, ты? Дай обниму тебя, милай. *(Обнимает Ваську Окорока.)*

Син Бин-у подходит и отодвигает Окорока.

Син Бин-у. Васька ходила не надо... моя надо ходила!

Вершинин. Он первым сказал — пойду. Он пойдет.

Васька. Я!

Син Бин-у. Кто пелвый плидумала — ложился селовека на лельсы? Моя плидумала. Моя масиниста видала, моя говолила с ним. Моя имей пелвый плава и ложился на лельса! Моя ложился надо!

Вершинин. Нет, ты постой, Синбину! Васька за свою землю ляжет.

Син Бин-у. Моя тоже здесь за своя земля ляжет. Советская леволюция нетю — китайска леспублика тоже нетю. Моя здесь за Китай ложился. О! Ты! О! Лусски селовек — настоящий селовек ести. Его моя понимай быстло! Его моя понимай — Син Бин-у хотела показать вас налод — селдце мой налод...

Вершинин. Уважение?

Син Бин-у. Да, да! Моя сильно уважай лусский налод, у!

Вершинин *(решительно)*. Васька! На рельсы Синбину ляжет.

Васька. Не могу, Никита Егорыч!

Вершинин. Василий!

Окорок. Не послушаюсь, Никита Егорыч!

Вершинин. Василий Окорок, приказываю!

Окорок отходит от насыпи. Син Бин-у проходит вверх.

А ты, Василий, собирай гранаты. Обвязывайся. Если бронепоезд не остановится — бросайся с гранатами под колеса. *(Син Бин-у, наверх.)* Синбину китай, ты от нас забыт не будешь. Держись!

Син Бин-у *(на насыпи, слушая)*. Его ближе сюда ходит... его колеса стуси-стуси, слысу...

Вершинин. И мы слышим, Синбину. Пули готовы.

Постепенно темнеет.

Гудок. Грохот приближающегося бронепоезда.

Син Бин-у *(в темноте)*. А-а-а...

Выстрел.

## КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тусклый, почти могильный сумрак. Сверкающий свет орудийного залпа озаряет башню бронепоезда и орудия, возле которых уныло и устало, в полусне, стоят артиллеристы. По их движениям видно, что силы их истощились. Возле орудий кучи пустых орудийных патронов. На ящике из-под патронов сидит капитан Незеласов, серый, как мох. Пытаясь освободиться от давящего мрака ночи, ходит возле орудий прапорщик Обаб, без мундира, в грязной и мокрой от пота рубашке.

Незеласов *(в телефон)*. Орудия! Первое, второе — к бою! Вдоль насыпи! Прицел тридцать пять, трубка тридцать пять. Огонь!

Блеск света и два орудийных выстрела.

По-моему, попали! Молодцы, артиллеристы!

Обаб *(у смотровой щели)*. Ничего не вижу, господин капитан. В кого попали?

Незеласов. Вдоль насыпи — двадцать пять. Картечь. Огонь!

Опять два выстрела.

Обаб. По кому вы бьете, господин капитан? Там тьма тьмой.

Незеласов. Не мешайте, не мешайте. А почему мы стоим, Обаб?

Обаб. Я же докладывал: машинист убит, а помощник ранен.

Незеласов. А как он себя чувствует?

Обаб. Рука раздроблена в локте. А! Паскуда! Дурак! Один дурак высовывается посмотреть, кто на рельсах, и получает пулю в глаз, другой оттаскивает его и получает пулю в руку.

Незеласов. Значит, управлять паровозом некому. А юнкера?

Обаб. Из юнкеров тоже никто не может, господин капитан.

Незеласов. Чудовищно болит голова. *(Пьет воду.)* Мне кажется, что я не спал целое столетие... А у Спасских сейчас ужинают, затем сядут играть в преферанс, Варя приляжет на диван и будет читать. Ха-ха! Спасский острит, не подозревая, что здесь, на насыпи, решается его судьба. К стенке, к стенке, генерал Спасский!.. Обаб, скомандуйте: «Огонь! Орудия — первое, второе — огонь!»

Обаб. До каких же пор мы будем стрелять в пустоту, господин капитан?

Незеласов. О чем вы мечтаете, Обаб?

Обаб. Я?

Незеласов. Вы мечтаете о том, чтобы заменить меня на посту командира бронепоезда. Но какой же вы командир, если на ходу засыпаете? Артиллеристы же не спят!

Обаб. Не спят? А вы посмотрите на них!

Незеласов *(бьет сапогом солдат)*. Эй, скоты, не спать!

Первый артиллерист. Ваше благородье, замучились.

Второй артиллерист. И воды нету для орудия...

Незеласов. Что орудия, горячие, Обаб?

Обаб. Раскалились, стрелять опасно, господин капитан.

Незеласов. И, однако, первое, второе — к бою! По насыпи двенадцать! Картечь! Огонь!

Обаб *(показывая на уснувших солдат)*. Они свалились, господин капитан, заснули.

Незеласов. Я сам мучительно устал, прапорщик! Но все же я очищу насыпь от партизан.

Обаб *(раздраженно)*. Да где они, где? Сам ничего не видит — и других пугает. Завел нас всех в тайгу, переводит зря снаряды, машиниста какого-то идиота поставил на паровоз... Жизненка твоя паршивая! Сам паршивый! *(Кричит несколько раз дико.)* Не хочу, не хочу, не хочу!..

Незеласов неслышно смеется.

*(Смотрит на него оторопело.)* Как тихо, боязно как! Господин капитан, прикажите открыть огонь!

Незеласов *(смеясь)*. Ха-а... По кому огонь? Ни вдоль насыпи, ни на самой насыпи никого нет. Что, вам боязно? Вы меня сумасшедшим считаете?

Обаб. Прикажите открыть огонь!

Незеласов. Да-да, Обаб, вы правы. Люди должны бояться. Бога, родины, своих близких и особенно своего разума. Не доверяйте разуму, Обаб!

Обаб. Так точно! *(Хрипло.)* А-а... *(Пятясь от амбразуры.)* В морду им, господин капитан, в морду картечью!

Незеласов *(хватая трубку телефона)*. Алло! Орудия — к бою! Второе! По насыпи! Картечью! Огонь!

Тишина.

Огонь, черт возьми!

Обаб *(выхватывая у него трубку)*. Второе — к бою, картечью им в морду, огонь!

Незеласов *(перехватывая трубку)*. Вы слышите, огонь! *(Бросает трубку.)* Спят непробудно. Ха-ха!.. Очень хорошо. Да что вы на меня таращите буркалы, Обаб? Я в полном уме. Я проводил испытания.

Обаб. Испытания?

Незеласов. Да, я испытывал юнкеров и солдат в любви к России. Оказывается, они больше любят сон, чем Россию. Ну, черт с вами! Вы ее проспали — я отдаю Россию американцам в колонию! Нет больше России. И не нужна она никому! Примите команду над бронепоездом, прапорщик Обаб. Потушите свет, я ухожу.

О б а б. Господин капитан!

Н е з е л а с о в. Взгляните мне в глаза. Что, сумасшедшие? Ну, то-то! Вы еще до сих пор не поняли, почему я вел такой бешеный огонь вдоль насыпи? Я угонял партизан в тайгу. А сейчас я открою дверь и во тьме и в тишине проберусь по насыпи к американцам. Приведу оттуда машиниста.

О б а б *(облегченно вздыхая)*. Слава тебе, истинному Христу! Перепугали вы меня, господин капитан. Фу-у... Чего бы вам это раньше не сказать?

Н е з е л а с о в. Шинель!

Обаб подает шинель.

*(Берет карабин, набивает карманы патронами.)* Однако будем осторожны. Погасите свет! Дверь открывайте неслышно и ровно настолько, чтоб я мог пролезть боком. Счастливо оставаться, Обаб! Я вернусь часа через два-три, во всяком случае до рассвета.

О б а б. Доброго пути, Александр Петрович, будем вас ждать.

Н е з е л а с о в. Да-да, ждите непременно! Дайте-ка еще пару гранат. Погасите свет.

Обаб гасит свет и открывает дверь.

*(Просовывает в отверстие голову, плечо. Шепотом.)* Еще немного...

Выстрел. Незеласов падает.

О б а б *(отскакивает от двери и прижимается к противоположной стене, достает револьвер)*. Каюк! И вышло — командиром бронепоезда мне не бывать.

Дверь начинает открываться все шире и шире, словно сама собой.

Эй, кто там?

Луч фонаря освещает внутренность вагона.

Кто-о?!

Г о л о с  В е р ш и н и н а. Опусти наган! Прапорщик Обаб Иван Аристархович!

В сопровождении партизан входит Вершинин.

В е р ш и н и н. Не твой черед палить, прапорщик Обаб Иван Аристархович. Привел господь, встретились таки...

Опусти наган да глаза рукой закрой, а то вот перед смертью твоей плюну тебе в глаза... За всех убитых вами людей, за всю поруганную землю, предатель! Ступай наружу, к мужикам...

Обаб. Никита Егорыч, прости!..

Вершинин. Иди к своим землякам, они тебя встретят. Ну?!

Окорок. Принимай!

Обаб, пошатываясь, уходит, сопровождаемый Окороком. Выстрел за сцепой. Входит Окорок.

Готов Обаб! *(Увидал лежащего Незеласова.)* Никита Егорыч! Незеласов.

Вершинин. Жив еще?

Окорок. Тоже готов.

Вершинин. Выкидывай эту падаль! Очищай помещение!

Окорок. Никита Егорыч, тут еще артиллеристы спят.

Вершинин. Вытащи на воздух, окати холодной водой. Они нам сгодятся.

Окорок уходит.

*(Партизанам.)* Сдвиньте ящики, товарищи, присаживайтесь. Мне с вами посоветоваться надо.

Партизаны рассаживаются. Входит Миша.

Миша. Никита Егорыч, паровоз в исправности, я осмотрел. Едем, что ли?

Вершинин. А кто там из паровозной прислуги есть?

Миша. Помощник машиниста, да у него рука раздроблена.

Вершинин. Кто же паровоз-то поведет?

Миша. Конечно, я.

Вершинин. А сможешь?

Миша. Да я же в техническом обучался!

Общая радость.

Вершинин. Веди бронепоезд с песнями, с гудками, воем, визгом, прямо в город к Илье Герасимовичу. Веди!.. Никита Егорыч здоровкаться едет...

Миша уходит. Входит Окорок.

Окорок. Помощник машиниста говорит, что никогда такого знающего машиниста не встречал. Никита Егорыч! Позволь мне у пулемета встать?

Вершинин. Становись!

Старик. Да ты что, Никита Егорыч, взаболь надумал на американцев идти?

Вершинин. А разве нам такое в диковинку?

Старик. Да ведь их там у моста и вдоль всей Мукленки, аж до самого города, тысячи!

Вершинин. Мужики! Наши-то вдоль Мукленки уж бьются, а тут вдруг бронепоезд 14-69. Американцы рады — э, помощь пришла, поддержка, сам знаменитый капитан Незеласов! У наших сердце падает: Незеласов, чего таить, драться может. И тут — а-та-та!.. по американцам! Старики, да ведь ради такого счастья мы и родились! Ради этого наш милый, родной — вечная ему память — Синбину погиб. Родной, милый, вечная тебе память.

Все снимают шапки.

Старик *(ударив кулаком по ящику)*. Не обидим китайца! И Расею не обидим. Веди нас на американцев, Никита Егорыч! Веди!

Все. Веди!

Гудок. Бронепоезд тронулся. Еще гудок. Все прильнули к смотровым щелям.

— Поехали! Поехали! Поехали!

Бронепоезд идет.

Окорок *(запевает)*.

Табак английский,
Мундир российский,
Погон японский,
Правитель омский...
Эх, шарабан мой...

*Занавес*

## ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

### КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Китайская фанза на окраине города. Кан — лежанка — вдоль стен. Высоко, под самым потолком, окно. Обстановка фанзы убогая. Сосновый некрашеный стол, табуреты, жестяной умывальник, в углу на гвозде висит поношенное пальто Пеклеванова. На столе несколько книжек, чайник, два стакана, кусок хлеба. Пеклеванов на табурете, плотно прижав к глазам бинокль, смотрит в окно. Он худощав, немножко сутул, с длинными вьющимися на концах волосами, расчесанными на косой пробор, в очках, полон ясности, простоты. Глаза его светятся мягко и вместе с тем решительно. Голос тверд и в то же время певуч. Входит жена Пеклеванова с корзинкой, в которой лежат овощи и хлеб.

Жена. Опять у окна!

Пеклеванов. Голубушка, там море и виден довольно большой кусок крепости. Русское море, русские пушки...

Жена. По этому морю ждут с часу на час кораблей с новыми американскими и японскими десантами, а у русских крепостных орудий стоят американские артиллеристы.

Пеклеванов. Однако в крепости есть и русские солдаты.

Жена. Да, белые.

Пеклеванов. Это обыкновенные мобилизованные русские рабочие и крестьяне. *(Соскакивает с табурета и взволнованно ходит по комнате.)* Я смотрел на море и мечтал, Маша. Мне грезилось, что русские орудия начали обстрел приближающихся американских и японских кораблей — и те повернули в море. И мало ли каких чудес не бывает на свете, Маша!

Жена. Самое большое чудо, что мы с тобой еще живы, например.

Пеклеванов. И самое чудо из чудес — русский народ! Он создал величайшее чудо — советскую революцию. Как она возвысила человека! Ну, возьми хотя бы Вершинина. Давно ли это был простой рыбак, пахарь, охотник? И вот прошло месяц-два, не больше, перед нами великан, собравший и двинувший на американцев и японцев целую армию.

Жена. По указаниям Пеклеванова.

Пеклеванов. По указаниям партии, по указаниям Ленина. Жена, дорогая, замечательная, всегда нужно помнить о Ленине!

Жена. Я помню. Я его видела в тысяча девятьсот пятом году, девочкой. И меня поразили его глаза. Поверишь ли, точно обожгло огнем. Какой ум, какая воля!.. И знаешь, Илья, ты... я ужасно волнуюсь за тебя, Илья. По городу опять расклеены афишки американского и японского командования. За твою голову уже дают не пятьдесят, а двести пятьдесят тысяч.

Пеклеванов. Ого! Пеклеванов поднимается в цене, значит, дело Пеклеванова расширяется. Голова! Они думают, что, отрубив одну голову, отрубят голову всей социальной революции. Ха-ха! Что значит отрубленная голова одного человека, если целый народ просветлел головой, поднял голову, несет ее высоко-высоко! Ах, Маша! В какие счастливые времена мы с тобой живем. Столетия, тысячелетия люди будут завидовать нам!

Жена. Да, но сейчас тяжело.

Пеклеванов *(целуя ей руку)*. Знаю. И мне не легко. В бинокль я видел: от крепости с узелком идет Филонов. Знаешь, такой лысенький, старенький слесарь из железнодорожного депо. В крепости ведь американцы устроили концентрационный лагерь, и Филонов, наверное, носил сыну передачу. Я представил себе муки старика. Филонов знает, что японцы сожгли Сергея Лазо в паровозной топке...

Жена Боже!.. На углу, против нашего дома, японец с корзинкой бумажных цветов. А одет — словно не бумажные цветы, а шелк продает.

Пеклеванов. Значит, шпик. Ну-ну... тут всюду шпики... и один другого глупее. Ты не волнуйся, Машенька.

У тебя и сердце слабое, и это вредно в твоем положении. Ради будущего наших детей держи себя крепко, Маша.

Жена. Я держу себя. *(Взглянув на стол.)* Ну что это? На столе оставил важные бумаги.

Пеклеванов. Это я не оставил, а приготовил.

Жена. А в ящике стола — два револьвера.

Пеклеванов. Да, действительно револьвер, хотя бы один надо б спрятать. *(Достает из ящика револьвер и кладет его в карман.)* А второй возьми себе, Маша.

Жена. Восстание назначено на сегодня?

Пеклеванов *(помолчав)*. А почему ты догадалась?

Жена. Я ли тебя не знаю, Илья?

Стук извозчичьей пролетки.

Приехали? За тобой?!

Пеклеванов. Ничего, ничего! Это Семенов. Он всегда ездит на лихачах, изображая гуляку. Что ж, довольно безопасная выдумка.

Стук в дверь.

А это вот Знобов! Он, наоборот, предпочитает ходить пешком и очень бедно одетым. Войдите, друзья!

Входят члены ревкома Семенов, Знобов и партизан Петров.

Здравствуйте, здравствуйте! Дождь? У меня горло заложило и третий день насморк. *(Доставая платок.)* Смотрите, какие здесь платки носовые вырабатываются! Не платок, а будто солнце в океан уходит. Нет, платок должен быть скромным. *(Сморкается.)* Итак, все члены штаба ревкома собрались? Товарищ Петров, мы вас ввели в состав штаба.

Петров. Спасибо, товарищ Пеклеванов. Я тут, в порту, среди грузчиков и возчиков кое с кем сошелся.

Пеклеванов. Новости от Вершинина есть?

Петров. Окромя того, что он сам мне велел передать, других новостей, Илья Герасимыч, еще не получили. Вершинин — туча. Куда ветер — туда и он с дождем. Куда мужики — туда и Вершинин.

Знобов. Поезда с ранеными американцами и японцами продолжают прибывать. И все в голос: Вершинин идет.

Петров. Он придет. Его слово верно.

Пеклеванов *(достав из стола бумаги).* Маша, согрей-ка нам чайничек! Мы потолкуем. *(Семенову.)* Численность крепостного гарнизона, считая охрану арестованных, на сегодня?

Семенов. Тысяча девятьсот штыков.

Пеклеванов. В том числе русских, мобилизованных?

Семенов. Два неполных батальона, готовых перейти на нашу сторону. Они только просят, чтоб к ним комиссара-коммуниста прислали...

Пеклеванов. Вы и пойдете комиссаром, Семенов.

Семенов. Слушаюсь.

Пеклеванов. Когда рабочие депо захватят железнодорожную станцию и выпустят две ракеты, это будет означать, что они идут на штурм крепости и что вы, Семенов, должны поднять восстание внутри крепости.

Семенов. Будет сделано, товарищ Пеклеванов.

Пеклеванов. Начав восстание в крепости, Семенов, выпустите три ракеты. *(Петрову.)* Это будет означать, Петров, что вы должны захватить порт. Мы назначаем вас комиссаром порта.

Петров. Уж и не знаю, как справлюсь, а благодарю вас, Илья Герасимыч, за доверие.

Пеклеванов *(Семенову).* Добавили американцы пулеметов и орудий в крепость?

Семенов. На первый и второй форты добавили по десять пулеметов, а в общем вооружение крепости прежнее.

Пеклеванов. Патронов? Снарядов? Гранат?

Семенов. Неограниченный запас.

Пеклеванов. Значит, когда захватим крепость, снарядов у нас будет достаточно, чтобы обстрелять десантные корабли? Час их прибытия не изменен?

Семенов. Они прибудут в момент начала нашего восстания.

Пеклеванов *(Знобову).* Перебросьте в крепость в распоряжение товарища Семенова необходимое число артиллеристов и прислуги, способных управляться с крепостными орудиями.

Знобов. Слушаюсь, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. Когда из депо взовьются две красные ракеты, вы, Семенов, откроете огонь из крепостных орудий по кораблям интервентов.

Семенов. Слушаюсь, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. Зобов — комиссар депо. Ему сегодня ровно в семь вечера поручается начать восстание.

Знобов. Будет исполнено, товарищ председатель ревкома.

Пеклеванов. А почему все-таки лицо хмурое, Знобов?

Знобов. Подтверждений точных нет, Илья Герасимыч.

Пеклеванов. Каких нет подтверждений? Чему нет подтверждений?

Знобов. А что Вершинин разбил американцев и японцев. Вдруг да они вовсе не в панике? Вдруг да они нам в тыл ударят?

Пеклеванов. Вы верите партии, Знобов?

Знобов. Кому ж мне верить, если не партии?

Пеклеванов. А мне вы верите?

Знобов. Через вас, Илья Герасимыч, я свет увидел, жизнь понимать стал.

Пеклеванов. Я верю Вершинину, верю народу русскому. Пусть даже американцы разобьют Вершинина, пусть город один поднимет восстание — все равно буря в крестьянстве такая, что оно поддержит город — и мы победим. Да, Знобов?

Знобов. Победим, Илья Герасимыч!

Пеклеванов. А теперь чайку попьем.

Семенов. Что вы, Илья Герасимович, какой тут чай!

Пеклеванов. Нет в жизни таких обстоятельств, при которых нельзя было бы напиться чаю. Машенька, чайку... И покурим. *(Смотрит в корзинку.)* Ну, вот, папирос-то и и забыла купить. Семенов, вы, кажется, курите?

Семенов *(подает портсигар)*. Пожалуйста!

Пеклеванов. Опять американские сигареты? И чего ради курить такую мерзость? Русские табаки лучшие в мире. Который, однако, час? *(Смотрит.)* Ого! Пора!

Семенов. Как у вас насчет оружия, Илья Герасимыч? Дорога вроде спокойна, а все-таки шпики могут обстрелять...

Жена. Ах!

Пеклеванов. Эх, слова-то вы все какие выбираете, Семенов.

Семенов. Виноват!

Пеклеванов. Ну, идите. Обождите меня в пролетке.

Семенов, Петров и Знобов уходят.

Да, бывают, значит, случаи, когда перед делом и чайку попить некогда! Все же ты налей мне, Маша, стаканчик, покрепче.

Жена *(прикрывая своим телом дверь)*. Не пущу! Кто мне тебя вернет, если интервенты убьют тебя? Кто? *(Запирает дверь и кладет ключ в карман.)*

Пеклеванов. Семенов всегда преувеличивает опасность.

Жена. А ты преуменьшаешь!...

Пеклеванов. Маша, я не понимаю твоего настроения.

Жена. Нет, понимаешь! Ты все понимаешь, но ты готов пожертвовать всем... всем...

Пеклеванов. А как иначе должен действовать коммунист? И как должна действовать жена коммуниста?

Голос Семенова *(с улицы)*. Купец, скоро? Темнеет, рестораны запрут, выпить хочется.

Пеклеванов *(напряженно посмеиваясь)*. Конспиратор! Рестораны запрут!.. Почему в шесть часов рестораны должны запирать?

Жена. Потому что введено осадное положение. Илья! Не ходи!

Пеклеванов. Позор, Маша! Что же мне, как гоголевскому Подколесину, в окошко прыгать? Ведь и подумать нельзя... никак нельзя подумать, чтоб я отказался. Ты мне всегда верила. Так вот я тебе со всей убежденностью говорю, что для меня нет смерти. И я, и ты, и наши дети — бессмертны, потому что мы дети народа, а народ бессмертен. И ты, жена большевика, должна это понять, должна. И ты поняла. Да?

Жена *(вынимает из кармана ключ, отдает)*. Иди.

Пеклеванов *(отпирает дверь, выходит и сейчас же быстро возвращается. Запирает дверь)*. Ерунда какая!.. *(Лезет в окно.)*

Жена. Илья, что такое?

Пеклеванов скрылся.

В дверь стучат. Жена молчит. Ручка двери начинает двигаться.

Ж е н а. Кто это? Кто? *(Открывает дверь).*

Входит японец с корзиной цветов.

Я п о н е ц *(ставит корзину на стол).* Нисиво.
Ж е н а. Что вы хотите?
Я п о н е ц *(оглядывая комнату).* Нисиво.
Ж е н а. Что вам нужно?

Слышен стук удаляющейся пролетки.

Я п о н е ц. Нисиво. Нисиво... *(Подбегает к окну. Смотрит. Затем поспешно выскакивает на улицу через дверь.)*
Ж е н а. Послушайте, а корзинка? *(Смотрит в окно.)* Туда? За ним, за Ильей?

Выстрел на улице.

*(Хватает револьвер из ящика стола.)* Вот тебе — «нисиво»! Вот, вот, вот! *(Стреляет в окно несколько раз.)*

## КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Депо. Очень шумно и в самом депо и за его дверями. Слышны гудки паровозов, лязг буферов, движение вагонов и голоса толпы, бегущей по путям. Р а б о ч и е достают из подвала ящики с оружием. Седой тощий рабочий Ф и л о н о в, держа узелок в руке, прислонился к рычагу, которым включается гудок. Входит м о л о д о й р а б о ч и й.

Е в г е н ь е в *(над подвалом).* Пошевеливайся там, внизу! Сейчас Знобов придет. *(Молодому рабочему.)* Ну, как там?

М о л о д о й р а б о ч и й. Четыре поезда с американскими да три с японскими войсками подкатили! С фронта утикают, ха-а!..

Е в г е н ь е в. Слышишь, Филонов? Вершинин-то американцев жмет!

М о л о д о й р а б о ч и й. И как еще жмет! Слышите, орут? Требуют, чтоб их в крепость вели: там, дескать, укроемся. Не-е, от нас не укроешься!

Е в г е н ь е в. Сейчас Знобов явится, будем восстание начинать. Филонов, слышишь?

Ф и л о н о в. Не буду гудеть. Сам Пеклеванов придет, и ему скажу: не буду гудеть, не буду подавать знака к восстанию!!

Молодой рабочий. Очумел!

Филонов. Вы очумели, а не я. У меня в лагере, в крепости, сын сидит, будете наступать на крепость, американцы его расстреляют. Что, вам моего сына не жалко? Что вы, не люди? Нельзя мне гудеть!

Медленно входит Знобов.

Знобов. Раздали оружие?

Евгеньев. По всем цехам роздано, сейчас для себя берем.

Знобов. Непосредственное руководство восстанием поручено мне. Я им из депо руководить буду. Товарищ Евгеньев!

Евгеньев. Слушаю, товарищ Знобов.

Знобов. Людей на крепость поведешь ты, Евгеньев.

Евгеньев. Есть.

Знобов. Напоминаю, Евгеньев. Две выпущенные мною белые ракеты означают — начинай штурм крепости.

Евгеньев. Две белые ракеты — штурм крепости.

Знобов. Три белые ракеты из крепости, значит — комиссар Семенов поднял там восстание.

Евгеньев. Три белые ракеты — восстание в крепости, мне легче.

Знобов. Две красные ракеты из депо — крепость открывает огонь из орудий по кораблям интервентов, приближающихся с десантом.

Евгеньев. Две красные ракеты — огонь по кораблям интервентов! Все?

Знобов. Все.

Евгеньев. Разрешите задать вопрос, товарищ Знобов? Товарищ Пеклеванов...

Знобов. Он будет здесь. Оружие все получили?

Все. Все!

Молодой рабочий. И отрядам своим раздали.

Знобов. Филонов, давай гудок! Пора!

Филонов *(схватил валявшийся на полу тяжелый молоток и вернулся к гудку)*. Никифора Ботова американцы в крепости убили, Кондратия Глебова голодом заморили, Степана Мартемьянова на воротах повесили... Сыну принес нонче шаньги, не пускают! А на крепость пойдете,

всех арестованных они перебьют. Моего сына, сына моего убьют! *(Поднимает молоток.)* Отойди, которые, от гудка!

Молодой рабочий. Смирись, Филонов.

Первый рабочий. Не волынь, Филонов!

Второй рабочий. Весь город гудка ждет, что ты?!

Филонов. Пеклеванов придет — и ему скажу: не буду гудеть!

Евгеньев. Слушай, Филонов. Мы с тобой рядом двадцать лет работаем — и ни разу не ссорились: тебе говорю: гуди, иначе прикончу тебя. *(Поднимает револьвер.)*

Первый рабочий. Да он загудит!

Знобов. Семь часов. Филонов, гуди!

Евгеньев. Смирись, Филонов!

Знобов. Мне приказано начать восстание в семь часов — и я начну, Филонов!

Филонов. Не смирюсь. Не буду гудеть! Стреляй!..

Молодой рабочий. Товарищ Пеклеванов!

Знобов. Товарищ Пеклеванов скажет свое слово.

Дверь медленно открывается. Голоса за дверью. Рабочие, стоявшие у дверей, отступают. На складной железной кровати, превращенной в носилки, вносят тело Пеклеванова. За телом идет жена Пеклеванова.

Филонов *(оторопело)*. Помер? *(Всматриваясь.)* Убили?! *(Крестится.)* Царство тебе небесное, душевный ты человек, Илья Герасимыч!

Вбегает американский офицер.

Американский офицер. Вагон генерал Спасски где?

Офицера ударяют прикладами. Он падает. Его быстро выносят за дверь.

Филонов. Пеклеванова убили!.. Ну, теперь загужу... Сам загужу — пусть на смерть сыну своему и себе... Открывай восстанье, Илья Герасимыч! *(Дает гудок.)*

Знобов. Вперед, в направлении крепости!

Евгеньев. В направлении крепости! Развертывай знамя, товарищи! Филонов понесет!

Знобов. Знамя оставить здесь. *(Берет знамя и накрывает им тело Пеклеванова.)* Вас и без флага кому нужно поймут.

Рабочие. Втолкуем!

— Айда, товарищи!

Рабочие уходят. Знобов подходит к жене Пеклеванова, стоящей у тела мужа. Вбегает молодой рабочий.

Молодой рабочий. Ворвались! Выбили! Станцию захватили, товарищ Знобов!

Жена. Вокзал взяли?

Молодой рабочий. Взяли!

Знобов. Две белые ракеты!..

Вбегает связной.

Связной. Записка от товарища Петрова.

Знобов *(прочитав записку)*. Сообщи Петрову: станцию захватили.

Связной убегает, вбегает третий рабочий.

Как там, в крепости?

Третий рабочий. В крепости тоже бой. На станции обнаружен эшелон с боеприпасами. Что делать?

Знобов. Собирай всех, кто остался в цехах, на подноску снарядов бойцам.

Третий рабочий убегает.

Молодой рабочий. Товарищ Знобов, в море показались корабли интервентов.

Знобов. Не может быть?! *(Смотрит в бинокль.)* Да, корабли! Что же они там, в крепости, валандаются? Что же этот Семенов думает?.. Ну, смотрите, смотрите, корабли идут! Десанты американские, японские идут, а они там валандаются!.. *(Хватает винтовку и гранаты.)*

Жена. Вы куда, Знобов?

Знобов. В крепость! Десанты подходят, а они там...

Жена. Вы непосредственно руководите восстанием, Знобов. Вы замещаете Пеклеванова, как же вы можете покинуть штаб восстания? Позвольте мне пойти. Дайте винтовку и гранату.

Знобов дает оружие, жена Пеклеванова уходит.

Молодой рабочий. Ракета!.. Вторая!.. Третья!.. Три белые ракеты из крепости! Ура-а!..

Знобов. Комиссар Семенов поднял восстание в крепости. Две красные ракеты.

Рабочий. Людей на подноску снарядов организовал. Американцы бегут из портовых зданий, товарищ Знобов!..

Знобов. Петров поднял восстание в порту. Ну, на порт я всегда надеялся. Крепостные орудия бьют по кораблям интервентов.

Молодой рабочий. Товарищ Знобов, корабли интервентов от наших орудий в океан повернули!.. Удирают от наших крепостных орудий! Прожектор вдоль линии, товарищ Знобов!

Знобов. Почему прожектор? Откуда тут быть прожектору?

Молодой рабочий. Бронепоезд?! Под красным флагом! Наши!..

Входит Вершинин. За ним партизаны, рабочие, жена Пеклеванова. Вершинин останавливается перед телом Пеклеванова, снимает шапку.

Вершинин. Грозно ты нас встретил, Илья Герасимыч. А мы тебе огромные земли отвоевали, американцев, японцев, англичан разбили... *(Яростно, громко.)* Разбили, да не добили! Где они еще сидят, Знобов? Откуда их надо выбивать?

Знобов. В крепости их доколачивают... *(Вершинину.)* А в порту с интервентами твой Петров еще бьется.

Вершинин. Васялий! Бронепоезд к порту! Бей этих американских, японских паскуд, сбрасывай в море! Миша, веди бронепоезд!

Миша. Веду, Никита Егорыч.

Вершинин. Илью Герасимыча — на бронепоезд! Перед собой, на руках его понесем, как знамя наше боевое. Пущай Илья Герасимыч первым в порт войдет.

Музыка. Жена Пеклеванова, Васька Окорок и другие партизаны поднимают носилки с телом Пеклеванова. Вершинин и Знобов помогают поднять носилки, а затем Вершинин идет к дверям. Сцена пуста. За окном — бронепоезд. Гремит музыка.

*(На бронепоезде.)* Вперед! Броневик — к бою!

Миша *(запевает)*. Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Музыка. Бронепоезд отходит.

*Занавес*

*Вс. Иванов*

## «БРОНЕПОЕЗД 14-69»

(История одной пьесы)

### 1

Зимой 1919/20 года я жил в небольшом западносибирском городе, недавно освобожденном Красной Армией от колчаковцев и американо-японских интервентов. После жесточайшей формы тифа, только что перенесенного мной, я не мог служить в Красной Армии и поэтому поступил инструктором внешкольного образования в местный Наробраз.

Работа инструктора была интересная и подвижная. Приходилось много ездить по селам и заимкам обширного таежного района, бывать на железнодорожных станциях, сталкиваться с множеством людей, разговаривать, выступать с докладами и даже с чтением стихов. Однажды на полустанке, в санитарном поезде, раненые бойцы показали мне номера газеты советской дивизии, к тому времени воевавшей где-то за Иркутском. Газета вследствие бумажного кризиса выходила на двух страницах весьма скромного размера. Однако, несмотря на скромные размеры и тусклую печать, газета читалась хорошо, а одна из заметок о том, как дальневосточные партизаны захватили у противника бронепоезд, просто поразила меня своей силой, лаконичностью, революционным пафосом.

Должно сказать, что главные бои за Сибирь развертывались тогда вдоль линии железных дорог и подвижная артиллерия крупного калибра, помещающаяся на бронепоездах, играла в решении результата боя не последнюю

роль. На бронепоездах находились отборные боевые части. Захватить такой бронепоезд у противника, — да притом партизанам, как правило, не имевшим артиллерии, — было и трудно и почетно.

В заметке мельком было сказано, что бронепоезд был взят вследствие того, что остановился на перегоне между станциями в глухой тайге, а остановился он из-за смерти машиниста, который высунулся посмотреть, кто лежит впереди на рельсах, — и партизаны, спрятавшиеся в тайге, тотчас же убили его пулей в голову. На рельсах же лежал китаец — один из бойцов партизанского отряда...

То, что китаец находился в партизанском отряде, нисколько не удивило меня. Царское правительство перебросило с Дальнего Востока на фронт для окопных работ много тысяч китайских кули, и, возвращаясь с фронта империалистической войны, эти кули оседали в Сибири. Да и на сибирских рудниках, пристанях и железнодорожных станциях работало грузчиками или ремонтными рабочими не мало кули.

Не удивило меня и то, что китаец решился на героический поступок, — если китаец вступил в партизанский отряд, значит, он обладал высокой революционной сознательностью. Меня удивило другое: почему китаец и вообще командование партизанского отряда решило, что бронепоезд задержится, увидав на железнодорожных рельсах лежащего китайца.

Героическими подвигами те дни изобиловали. К ним привыкли. Но и привыкшие к подвигам изумлялись и запоминали подробности подвига китайца и партизан, захвативших бронепоезд. Едва лишь я задал вопрос, который, кстати сказать, и поныне задается мне зрителями «Бронепоезда» — почему китаец лег на рельсы, а командование согласилось на этот, казалось бы, довольно безрассудный поступок, как посыпались разъяснения бойцов, давших мне номера дивизионной газеты:

— Это мы можем... об этом у нас говорили...

— Приказ был, — сказал решительно молодой боец.— А раз военный приказ, исполняй.

— Приказ, конечно, приказом, — отозвался задумчиво солдат постарше. — А только товарищ спрашивающий прав. Какой в приказе смысл-то? Кто уверен, что бронепоезд остановится?

— Командир уверен, — отозвался молодой.

— Откуда он уверен?

— Раз дает приказ, значит, уверен.

— Да ведь бронепоезд-то с боевым заданием идет. Черта ли ему, что там какой-то китаец на рельсах лежит?..

Начался спор. В купе, где мы спорили, собралось много солдат. Один из них, мужчина лет тридцати, рыжий, с синими ласковыми глазами, сказал вдруг басом:

— А я, товарищ, этого командира партизанского отряда сам знал. — И в наступившем молчании он продолжал: — Ей-богу, знал! Видный такой из себя, непьющий и не ругающийся. И сильный, двухпудовиком крестился. Он к нам в дивизию за оружием приезжал, за снарядами для бронепоезда. Его ребята окружили, расспрашивают. Я тоже подошел, говорю: «Товарищ командир, а как же вы это китайца-то уложили на рельсы? Нехорошо. Ну, ладно, бронепоезд вы взяли, а если б нет? Зарезали бы вы зря человека, и пошла бы в Китай молва: «Сами, русские, побоялись лечь, а китайца уложили». Неужели, говорю, у вас русских для такого подвига не нашлось?

Последняя фраза вызвала среди солдат большое оживление. Они переглянулись, и молодой солдат воскликнул:

— Верно! Одно слово — партизанщина. Китайца сунули!

Послышались одобрительные возгласы, поддерживающие молодого солдата. Басистый рыжий солдат ухмыльнулся и сказал гулко:

— Дурак.

Молодой солдат разинул рот:

— Кто?

— А это мне партизанский командир сказал, а я тебе говорю. Правильные слова!

— Ну, это ты насчет дурака брось!

— Зачем бросать? Сгодится. Ты вот слушай, что он мне сказал. Он мне говорит: «Дело когда происходило? На заседаньи или в бою? Кабы на заседаньи, тут бы мы еще пообсуждали, кого послать, — Ивана, Петра, Абдула или Син Бин-у? А тут — бой. Кто первый высказал желание идти и лечь на рельсы, того и послали... кто под руку первый подвернулся. Отряд за дело отвечает. Отряд и послал». Ну, что я ему мог ответить? Я и промолчал. А ты бы что сказал?..

Молодой солдат замялся.

— Ну то-то! И я, вот так же, поводил губами да и смолк. А он мне разъясняет... голова-мужик!.. Он мне так разъясняет: «Есть у меня в отряде веселый парень, ловкий такой, удалой, Васька, по прозвищу Окорок. Он быстрей, первым на рельсы лег, опередил китайца. А пришлось слезать». — Баспстый солдат посмотрел смеющимися глазами на молодого: — Я вот вроде тебя, хотел сказать ему то же: «Струсил, мол, Васька-то?» Да и, вроде тебя, чтоб второго дурака не съесть, смолчал. Он мне разъяснил: «Не струсил, а лишние страданья. Китайцу легче лежать. Он на станции был, с машинистом самолично разговаривал и поверил, что тот машину остановит, если увидит на рельсах что-то живое. Машинист был из старорежимных, придерживался инструкции, и недавно, тушу звериную на рельсах увидав, остановил поезд... Китаец перед собой лицо этого машиниста видел, а Васька — нет. И оттого мучился. Я ему и велел слезать. И, кроме того, китаец первым высказал желание — уважение свое советской России показать...»

Молодой солдат сказал:

— Командир-то был прав, когда тебя назвал дураком, а ты меня...

Баспстый солдат расхохотался:

— Да не называл он меня дураком! И я тебя не называю. Пошутил я. А разговор у меня с командиром такой был, верно. Это уж я вам передал в точности, будьте покойны.

Никак не предполагая писать повесть или роман о взятии бронепоезда партизанами, а просто увлекшись картинами героического боя, я стал жадно расспрашивать синеглазого солдата. Он охотно, плавно, умело рассказал мне все, что знал. В своих поездках инструктора мне приходилось часто разговаривать с партизанами, и я не мало слышал от них удивительных рассказов. Но, пожалуй, рассказ синеглазого солдата был одним из самых замечательных.

2

Полгода спустя я очутился в Петрограде. Тиснув дватри небольших рассказа в петроградских журналах и газетах, я принялся за писание «большой» — по тогдашним

временам — вещи. Это была повесть «Партизаны». М. Горький открыл этой повестью первый номер «Красной нови» — первого советского толстого журнала.

Хотя моей повестью открывался толстый журнал, хотя я встречался с Горьким и многими другими пожилыми и молодыми петроградскими писателями, хотя все они обращались со мной как с равным,— я ощущал в душе ужасающее смятение. Во-первых, я чувствовал, что не умею писать, а если и умею, то плохо. Во-вторых, мне не о чем писать, потому что двумя-тремя короткими рассказами и повестью «Партизаны» я исчерпал все свои наблюдения. Словом, я заболел искусством, заболел серьезно,— и не понимая еще всего очарования этой прекрасной болезни, принимал растущую во мне строгость к творчеству за отсутствие наблюдательности и невозможность чему-либо научиться.

Поэтому, когда я вспомнил рассказ солдат о бронепоезде и когда решил написать о нем,— я испугался страшно. Хватит ли у меня сил и умения для передачи читателю этой огромной героической темы? Мне-то она кажется убедительной и правдивой, но покажется ли она правдивой читателю? В конце-концов, нельзя же приложить к повести вырезку из дивизионной газеты, да и кого убедит эта вырезка, если повесть будет изложена бездарно и неправдиво?.. А кроме того, и вырезку-то я потерял.

Но нам тогда везло. Возле нас — молодых художников молодого советского времени— был изумительный советчик и друг, был М. Горький. Написав половину повести, я, поколебавшись, отправил ее на прочтение М. Горькому. Я боялся, что повесть покажется надуманной, положения неестественными, а сама манера письма — скомканной, отрывистой. М. Горький одобрил и тему и манеру изложения. Впрочем, позже, в устных беседах,— когда мы рассуждали о плавности и тайной ритмичности русской речи, столь гениально выраженной в творениях Л. Толстого и А. Чехова,— Горький не раз возражал против скомканности изложения, которой тогда страдали и я и многие мои современники, и от чего мы мало-помалу избавились.

«Бронепоезд» хорошо читали. Книгу перевели на много языков. Американо-японская интервенция еще заливала кровью города и села Дальнего Востока, когда появилась эта книга, и поэтому понятен был интерес к ней как со сто-

роны советского прогрессивно настроенного читателя, так и за границей. Это не значит, что я смог полностью и всеобъемлюще передать все картины борьбы советского народа против иноземных захватчиков, нет, конечно. Это были лишь эскизы картины, или, вернее, ряда картин, которые и поныне продолжают выпускать советские поэты, писатели, художники. Но поскольку в те времена эскизы мои передавали пафос и патриотизм советского народа, они возбуждали к себе интерес и внимание и, естественно, возбудили внимание Московского Художественного театра.

Вот передо мной лежит пожелтевшая газетная вырезка. В ней слова К. С. Станиславского. Он говорит, что «Бронепоезд» является «первой настоящей работой Художественного театра за все время его существования».

За все время существования МХАТа! Разумеется, в словах Константина Сергеевича много преувеличения,— и до «Бронепоезда» МХАТ создал немало настоящих работ,— но эти слова Станиславского передают то волнение и счастье, которое испытывал МХАТ, создав настоящий революционный спектакль, показав зрителю патриотизм советского народа, беззаветно отстаивавшего от интервентов и белогвардейцев свою Родину.

Слова Станиславского объясняют тот пафос, то воодушевление, которое охватывало сцену и зал МХАТа, когда произносилось и гремело великое имя — Ленин.

### 3

МХАТ решил поставить пьесу на современную, советскую тему к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Для этой цели он пригласил на совещание в театр молодых советских писателей, живущих в Москве.

Мы шли в Художественный театр с большим волнением. Создать спектакль ко дню десятилетия Октября!.. Великая, прекрасная дата,— и кто из нас и как сможет разрешить хоть сколько-нибудь удачно эту огромную и почетную задачу?..

Совещание происходило весной, а весна 1927 года, сколько помню, шла гуртом — тут и дождь, и солнце, и ветер, и тепло, и неслыханно пышное цветение деревьев.

Ворота в мир, казалось, распахнуты настежь. В руках у встречных, переливаясь на солнце, играют пушистые ветки мимозы. Тонкий медовый запах весны коснулся наших лиц.

И этот запах весны сопровождает нас и в узкой комнате, где на диване Качалов, и блеск его пенсне, и многообразные интонации его чудесного голоса; и всем восхищающийся, шумный, широкий актер Вишневский. Против Качалова, по ту сторону стола, Леонид Леонов с прядью волос над лбом и горящими синими глазами.

Все режиссеры, актеры, писатели в законном волнении, в жажде творчества, и говорят приподнято, возбужденно.

Вдруг П. А. Марков, заведовавший тогда литературной частью МХАТа, человек, смотрящий в глубь дела, сказал, как всегда, протяжно и несколько в нос:

— Темы вы, товарищи авторы, высказали замечательные. Октябрь, гражданская война, новая экономическая политика... Но, конкретно, когда каждый из вас представит пьесу? Сроки постановки у нас коротки, пьесу надо дать в театр, самое крайнее, через два месяца.

Заседание растерялось. Большинство авторов, приглашенных в МХАТ, пьес не писало никогда, опыта не было, а одним желанием, хотя и самым страстным, пьесы скоро не создашь. Тогда кто-то из мхатовцев предложил:

— А не написать ли каждому, присутствующему здесь автору, одну какую-нибудь сцену? Можно инсценировать отрывок из своей книги. Сцены эти в театре соединит ведущий чтец, например В. И. Качалов. Таким образом мы создадим интересный, охватывающий большие события, спектакль.

Мысль показалась нам убедительной. Дней через десять те же авторы пришли в МХАТ с готовыми сценами. Я принес две сцены из «Бронепоезда».

Сколько помнится, сделать сцену из «Бронепоезда» предложил мне тогда, после заседания в МХАТе, П. А. Марков. И так как в те дни я довольно часто выступал перед различными аудиториями, читая с неизменным успехом отрывок из «Бронепоезда» о том, как партизаны «пропагандировали» американского солдата, я решил инсценировать этот отрывок.

Когда была написана сцена «На колокольне», я подумал, что могу предложить МХАТу решение серьезной и

важной задачи — показ широкого народного движения. Это движение, отраженное мной в сцене «На колокольне», должно контрастировать с другим, контрреволюционным, движением белогвардейцев и интервентов. Поэтому я написал еще «Сцену на станции», где показал белогвардейских беженцев и командира бронепоезда Незеласова и других.

Я писал эти сцены с большим удовольствием. Писать для МХАТа уже само по себе приятно. Но, мало того, я хотел поставить перед Художественным театром довольно трудную и, быть может, неисполнимую задачу — показ двух больших массовых сцен, и притом без центрального героя. Слова «неисполнимая, невозможная задача» постоянно торчали у меня в памяти, пока я писал эти сцены. Мне очень хотелось, чтоб эти сцены были поставлены, и в то же время хотелось, чтоб их отвергли. Если в старости приятно быть простым, то в молодости очень приятно сознавать себя сложным человеком. Сложность положения пришла совершенно с другой стороны.

Писатели прочли мхатовцам свои сцены. Сцены эти в большинстве были интересные, но, пожалуй, чересчур разнообразные, так что связать их Чтецу было б трудно. Отчасти поэтому, отчасти и потому, что прочтенные мною два отрывка давали намек на возможность написания целой пьесы, мхатовцы в голос — от молодого Хмелева до старшего Качалова — спросили меня:

— А почему вам не написать целую пьесу о бронепоезде?

Мысли закружились бешено. Мне написать пьесу? Одному? Но разве я буду один? Какие вокруг мягкие, внимательные и дружественные лица! Они молчат, но взгляд каждого говорит: «Смелей, смелей!» И тут мне подумалось, что я написал эти два отрывка, предчувствуя, что создам целую пьесу. Приятно быть не только сложным человеком, но и провидцем!..

— Напишу, — ответил я.

Писал я страстно. Быть может, ничто я не писал с такой вдохновенной страстью, как эту пьесу. И это тем удивительней, что по призванию я больше романист, чем драматург. Я всегда мечтал о создании длинного увлекательного романа с множеством действующих лиц, с описаниями природы, жизни городов, продолжительного во

времени и в пространстве. Театралом я никогда не был, в театр — и прежде и теперь — хожу редко. Правда, в юности я играл в любительских драматических кружках, ездил с бродячими труппами актеров, пел со сцены под аккомпанемент балалайки и так далее, но, право же, это происходило больше из любопытства к жизни вообще, чем от любви к театру или драматургии.

Писал я «Бронепоезд» страстно потому, что Художественный театр не представлялся мне театром. Мне виделся — как бы сказать яснее? — некий, новой формы, громаднейший, с колоссальным кругом читателей, толстый-претолстый журнал. И вот в этот-то журнал, создателем которого отчасти являюсь и я, мне хотелось поскорее написать новый роман, пусть в драматической форме. Короче говоря, Художественный театр представлялся мне тем оригинальным и самобытным явлением русской жизни, каким он представляется и зрителю, и композитору, и живописцу, и актеру, и всякому, кто сталкивается с ним более или менее тесно.

4

Через месяц я уже прочел пьесу театру.

Вспоминающие прошлое мхатовцы преувеличивают, говоря, что пьесу приняли восторженно. Я не помню никакого восторга. И вообще восторг при первом чтении пьесы вреден. Полезнее всего предаваться ему после премьеры. Пьесу приняли так, как нужно принимать пьесы,— если они годятся к постановке, — спокойно.

С первого чтения — особенно с голоса — в пьесе трудно разобраться. Кроме того, одно дело — чтение, другое — спектакль. Можно прочитать хорошо и плохую пьесу. А читал я к тому же, от волнения, плохо; пьеса была длинна, совершенно недоработана; последняя картина — слабая и поныне — никуда не годилась.

Но я не напрасно с такой горячностью писал эту пьесу. Мхатовцы поняли в ней самое главное — автор хочет сделать пьесу и, если ему помочь, сделает ее. И хотя пьеса была совершенно сырая, мхатовцы нашли в ней «зерно», костяк, материал. Пьесу приняли к постановке.

То, что в спектакле «Бронепоезд» согласились участвовать молодые мхатовцы — Хмелев, Тарасова, Баталов, Су-

даков, Прудкин, Станицын, Андровская, Тихомирова, Комиссаров,—в этом не было ничего удивительного. Кому же, как не молодым актерам, играть пьесу молодого начинающего драматурга? Но то, что в пьесе согласилось участвовать старшее поколение мхатовцев — Качалов, Книппер-Чехова, Вишневский,—и то, что за постановкой пьесы обещал наблюдать сам К. С. Станиславский, говорило о признании молодой советской драматургии, об уважении к новой, советской литературе, — и я чрезвычайно гордился этим фактом, да и поныне горжусь. Содержание повести «Бронепоезд», а значит и содержание пьесы, продиктовано мне было борьбой советского народа за свое счастье, за независимость своей родины. Разумеется, повесть эта несовершенна, порой, быть может, неумело написана, но она написана со всей искренностью, с неустанными поисками той художественной правды и выразительности, которая была главной целью для молодых писателей того поколения, к которому я имею честь принадлежать.

## 5

Что наиболее важное внес МХАТ при работе над созданием пьесы как единого целого?

Наиболее важным было то, что театр сразу поверил мне как писателю.

Я и до «Бронепоезда» верил МХАТу. Но тогда я верил как зритель. Теперь же я помимо веры зрителя поверил еще и как автор.

МХАТ ни капельки не сомневался в том, что вся ситуация с бронепоездом правдоподобна, что именно Син Бин-у, а никто либо другой, лег на рельсы, что именно машинист Никифоров задержал ход бронепоезда и высунулся посмотреть, кто лежит на рельсах, что именно так, а не иначе «упропагандировали» американца.

Таким образом, сразу же между театром и автором создалось то взаимоотношение, которое быстро переходит в дружбу и только при котором возможна совместная творческая работа. Автор я был тогда капризный и стеснительный одновременно, желающий работать, — и боязливо относящийся к этой работе: вдруг да еще хуже сделаешь! Трудно, я думаю, было ладить театру с таким автором.

Однако и здесь МХАТ действовал, как всегда, с присущим ему тактом и пониманием. Постановщиком спектакля был И. Я. Судаков — человек довольно властный и резкий. Режиссером была вместе с Судаковым Н. Н. Литовцева — человек чрезвычайной мягкости и вежливости. Совпадение, наверное, случайное, но внутренне для пьесы и театра необходимое. И так во всем.

К. С. Станиславского я видел редко. Он ведь лишь «корректировал» спектакль. Но это была та «корректорская работа» редактора, без которой книга или выходит с грубейшими ошибками или же из-за этих грубых ошибок совсем не выходит, а идет в котел, на бумагу.

Театр. Утро. Судаков внес в одну из сцен какие-то изменения и пригласил меня прийти посмотреть их. Сижу у окна, возле портьеры и думаю: «Не надо было приходить. Ну, что я им скажу? Писать нелегко, а еще тяжелей объяснять — почему ты именно так написал?.. Ну, еще объяснить Судакову, а вдруг да Станиславский придет? Вдруг да спросит?»

По переулку мягко промчалась пролетка; прогрохотал по булыжнику ломовик; мелькнул автомобиль на высоких колесах и с медными дверными ручками, начищенными ярко-ярко...

Ну, так оно и есть! В фойе вошел Станиславский. Я подвинулся ближе к окну. Чертовски хочется завесить себя портьерой. Но, с другой стороны, мысли: «стыдно так стесняться, не маленький». И действительно — давно не маленький. Я встал. Станиславский поклонился.

Станиславский прошел было мимо, но, задержавшись на секунду, спросил тихо, как будто спрашивая самого себя:

— А как, по-вашему, одет капитан Незеласов, командир бронепоезда.

Я ответил, что, по-моему, Незеласов должен быть в расшитой серебром черной куртке с черепом и костями, вышитыми белым на рукаве. В таких экзотических мундирах в гражданскую войну красовались «атамановцы» — белогвардейцы из отрядов атаманов Семенова или Анненкова, отличавшиеся особой жестокостью в подавлении партизанского движения. Незеласов по фразеологии — интеллигент, по поступкам и одежде—атамановец, вернейший прислужник американских интервентов.

Станиславский сказал:

— А вы не находите, что лучше... без экзотики? Русские вообще народ не экзотичный. Незеласов — обычный армеец, попавший в услужение к американцам и японцам. Не думаю, чтоб он наслаждался своим чувством раба. Это ему неприятно. Но, с другой стороны, он так ненавидит большевиков, что из ненависти согласен стать американским рабом. Большевики, видите ли, отняли у него именьице, домик, забрали какие-то деньги в банке, и оттого ему кажется, что вся Россия у России отнята! Он глуп, недальновиден, мелок. Оденьте его экзотично, и вы, пожалуй, ничего не поймете в нем.

Станиславский, помолчав, продолжал:

— А мы его попробуем одеть по-обычному, по-армейски, в хаки, без экзотики. И вообще все в спектакле — речь, одежда, квартира, железнодорожная насыпь, депо — все должно быть простое, обычное, русское. Но эту обычную речь и обстановку мы должны поднять до яркого символа. Незеласов продает американцам свой курятник. Мы покажем, что в этот курятник он хочет загнать всю Россию.

Над сценой «На колокольне» в небе курятся белые клубы облаков. Атмосфера на колокольне должна быть такова, чтобы эти яркие кучевые облака, сбирающиеся всегда в жаркий день на высоком небе, зрителю казались предвестниками скопляющейся всемирной грозы, повисшей над буржуазным миром. Я говорю понятно?

Сказано было это с высоким и красивым чувством и в то же время словно бы мимоходом. Разговор сразу приобрел какой-то задушевный и теплый характер. Смущение мое прошло.

Станиславский перешел к мыслям о сцене «На насыпи», где китаец ложится на рельсы, чтобы остановить белогвардейский бронепоезд, торопившийся на соединение с интервентами.

— Очень трудная сцена. Здесь много придется найти. Нужно прежде всего сделать так, чтобы национальное чувство гордости русских никак не было унижено. Наоборот. То, что Вершинин позволяет китайцу Син Бин-у лечь на рельсы, доказывает, что китайца чувствуют братом, позволяя ему свершить такой подвиг, который желает свершить каждый русский.

Я вспомнил разговор с бойцами санпоезда.

— Да, да, — сказал Станиславский, выслушав меня. — Это интересно, но это долго объяснять на сцене. Но попытаться можно... Однако мне кажется, что зрители не будут смеяться над Васькой Окороком, уступающим свое место на рельсах для Син Бин-у. Зрители поймут. Васька не трусит. Какая тут трусость, когда каждый из партизан каждую минуту рискует жизнью, когда они почти голыми руками бьются против превосходно вооруженных американцев, японцев, белогвардейцев?..

Дальше Станиславский начал рисовать картины сцены «На насыпи»:

— Китаец лег на рельсы. Мы погасим огни на сцене и в зрительном зале. Грохот приближающегося бронепоезда усиливается. Бронепоезд словно несется прямо на зрителя. Зритель должен содрогнуться от ужаса, помня, что будет долго еще жива белогвардейщина во всех ее отвратительнейших проявлениях, что интервенты еще мечтают о реванше и новой войне... И затем вдруг — тишина. Свет. Мы видим насыпь, кровь на шпалах и рельсах, ближе к нам — дерево, и на нем поет птичка.

Подумав, проговорил:

— Нет, не верно. Нет света. Нет дерева. И зачем птичку, когда борьба за бронепоезд еще не кончена? Бронепоезд сделан народом, и он должен принадлежать народу! Пьеса не окончена. За победу еще надо сражаться!.. Пусть занавес упадет в грохоте мрачно мчащегося бронепоезда. Пусть даже зритель встает с чувством ужаса. Это благородный ужас. Он не парализует, а, наоборот, толкает в бой за счастье человека!

Станиславский улыбнулся:

— Однако я заговорил военными терминами. Это вы виноваты.

Затем он перешел к последней сцене «В депо». Сцена эта, повторяю, мне тогда совершенно не удалась. И я непрестанно о ней думал. Думал и весь театр. Думал и Станиславский, потому что, как понял я позже, весь разговор, приведенный выше, был лишь подходом для обсуждения сцены «В депо».

В первой сцене, начинающей пьесу, «Цветочный магазин» выведена группа беженцев. Мне казалось, что по законам драматургии я должен провести этих беженцев че-

рез всю пьесу. Я их пробовал всунуть и туда и сюда — ничего не получается. Нет места! Тогда я вывел их в последней сцене, в депо, добавив туда даже генерала Спасского, о котором много говорится в первой сцене.

Станиславский сказал:

— Сцена «В депо» — это... это очень хорошо!

Я обрадовался. Наконец-то мучения мои кончились. Очевидно, последний вариант сцены удовлетворил Станиславского. Но радость моя была непродолжительной. Станиславский разъяснил:

— Это очень хорошо, если выбросить беженцев. Я посмотрел вам сейчас в лицо и вижу, что они вам тоже совершенно не нужны! Беженцев — вон! В сцене, когда в депо приносят убитого Пеклеванова, главное — он и рабочие депо.

— Но законы драматургии...

— Нет законов драматургии, когда есть жизнь, — сказал Станиславский, разглядывая мое лицо, на котором, по-видимому, отразилось отчаяние. — Законы драматургии придумали бездарности для того, чтобы другие бездарности в театре принимали к постановке их пьесы. Самый главный закон драматургии — побольше правды, побольше жизненности. Остальное придет само собой. В сцене «Депо» самое важное — смерть начальника революционного штаба Пеклеванова. Умер большой человек, представитель коммунистической партии, которая привела рабочих к Октябрю. Умер организатор восстания тогда, когда восстание только лишь началось. Депо, рабочие... как быть?.. что делать? И вот задача МХАТа — показать правду, победу жизни. Несмотря на смерть Пеклеванова, рабочие не растеряны. Штаб восстания цел, партия цела, социальная революция непобедима. Пеклеванов обещал партизану Вершинину, что восставшие и победившие рабочие с честью встретят приближающиеся к городу партизанские отряды. Этот наказ Пеклеванова город должен выполнить. А восставший город — это мы.

6

Из-за отъезда я не мог видеть процесса работы над пьесой, который велся за столом. Когда я вернулся в Москву, работа обсуждения пьесы за столом уже окончилась

и актеры репетировали отдельные сцены в фойе, двигаясь, создавая мизансцены. Отчетливо обозначались контуры спектакля.

Уже верилось, что пьеса будет показана в те дни, когда ее обещали показать. Молодость и жажда творчества вели нас. Десятилетие Октября казалось нам таким же величественным и полным значения, как столетие. И, на самом деле, разве первые десять лет Великой Октябрьской революции менее величественны, чем, скажем, весь XIX век?

Творческий подъем и горячее желание показать на сцене людей нашего времени побудил МХАТ работать усиленными и в то же время плодотворными темпами. «Бронепоезд 14-69» был поставлен в срок весьма короткий для МХАТа — три месяца. Если принять во внимание, что пьеса изобилует массовыми сценами, что в ней около сотни действующих лиц, которых надо одеть, загримировать и каждого сделать индивидуальностью, — этот срок, три месяца, превращается в срок рекордный, необыкновенный.

Опять фойе. Утро не утро, вечер не вечер, а так, что-то длинное, осеннее, дымное. Впрочем, увлеченные работой, мы не смотрим в окна, и хорошо, что в небе так серо и однообразно.

Проходит сцена «На колокольне».

Время от времени я заглядываю в экземпляр повести «Бронепоезд». Все хочется найти там что-нибудь такое, что лучше и ярче раскрывало бы образы пьесы. Экземпляр этот и поныне хранится у меня. На полях, против главы «упропагандирования», пометка: «Станиславский. Баталов. Ленин!». Это означало, что мне надо запомнить, как Станиславский объясняет Баталову (игравшему роль Васьки Окорока, секретаря партизанского штаба) значение для него, а значит, и для всех крестьян-партизан, имени — Ленин.

И я запомнил это объяснение. Вот оно.

Станиславский, высокий, медленно улыбающийся, прищурясь, наблюдает, как Васька, не находя слов, потому что американский солдат не понимает по-русски, ищет, как бы внушить американскому солдату, что русские рабочие и крестьяне и вообще Советская власть ведут справедливую войну, выбивая из Сибири интервентов. Советские люди, хочет сказать Васька, бьются за мир, за свободу, за неза-

висимость своей родины... Но слов нет! И вдруг Васька догадывается, что все это можно передать одним словом:

— Ленин.

— Простите... — Станиславский останавливает Баталова:

— Мне думается, вы не так толкуете слово — Ленин. Вы этим словом сейчас выражаете сильного, именитого человека. Это неверно. Ленин действительно сильный, волевой, знаменитый человек, но для вас, для крестьянина-партизана, которого вы изображаете, это сейчас второстепенно. Ленин для вас — зов, клич. И для всей России Ленин — зов в будущее, клич ко всему миру о необходимой перестройке мира для мира. Вот вы в этой же сцене мельком бросаете матросу Знобову, приехавшему с поручением от Пеклеванова: «С войны не видались». Значит, вы были и на империалистической войне?

— Конечно, был, — отвечает Баталов.

— А раз вы были, то для вас Ленин есть освобождение от войн, есть — земля, свобода, уничтожение буржуазии. Вся земля русская отныне принадлежит вам. Ее вам вручил Ленин! Благодаря Октябрю на всей земле только что прекратилась бесчеловечная, безжалостная империалистическая война, во время которой было несказанно душно. И вы обрадованно восклицаете: «Ленин!» Вы восклицаете свободно, с восторгом, с восхищением. Вы видите перед собой не только американского солдата, — вы видите весь мир за этим словом. Весь мир должен вас понять. — Нежно взглянув на Баталова и плавным жестом поглаживая себе лоб, он произнес почтительно и значительно: Ленин.

И, помолчав, добавил:

— Ленин — слово, которое гигантским горным хребтом встало над миром. При звуке этого слова друзья советской революции чувствуют дрожь восторга, враги — холод страха. И вот вы говорите это слово американскому солдату. Вам говорить это слово нелегко. Ведь никто другой, а именно эти солдаты жгут ваши села и города, грабят и сажают в тюрьмы защитников свободы. Возможно, что грабит и жжет не именно этот солдат, а кто-то другой. Но форма ведь та же!.. Вы внимательно вглядываетесь в его лицо. Кто он? Крестьянин? Рабочий?.. В конце концов, это не гипс, употребляемый для отливки статуй, хотя он и стоит бледный перед вами, как гипс. Кто он? По-видимо-

му, труженик, человек! И вы обращаетесь с самым важным для вас словом к человеку. Вы совершаете поступок огромной гуманной силы.

И, опять помолчав, говорит:

— Мне вспоминается баллада Тихонова — «Сами», об индийском мальчике, который великолепно знает все величие имени — Ленин. Американский солдат, в конце концов, должен же понимать немножко побольше жалкого индийского мальчика.

Признаться, я подивился. Станиславский и баллада Тихонова! Но потом подумал: «Но ведь и Чехов и Горький тоже когда-то были молодыми, и чего ж удивительного, если какой-нибудь пожилой их современник знакомился с «Песней о Буревестнике» так же, как Станиславский сейчас знакомится с балладой «Сами»?

Между тем Станиславский спрашивал у Баталова:

— Вы в какой рубашке играете?

— Хаки, — ответил Баталов.

— Вы, Баталов, самый пылкий из всех персонажей пьесы. Вы... вы колышетесь среди партизан, как знамя! И рубашка... рубашка на вас должна быть алая. Да, алая! А чтоб быть ближе к жизни, чуть выцветшая от солнца. Не подпоясанная. Длинная. Свободная. Вот именно... Пусть колышется на вас, как знамя!

И Баталов в дальнейшем сцену «На колокольне» проводил с силой потрясающей!

Когда он, устремив свои огромные лучистые глаза поверх американского солдата, глядел в радужную даль; когда лицо его приобретало торжественное и вместе с тем ласковое выражение; когда он восхищенно и вдохновенно произносил «Ленин!» — весь зрительный зал долго дрожал от рукоплесканий и восторженных криков.

## 7

Эта народная сцена «На колокольне» и была тем центром пьесы, поняв который мхатовцы быстро разобрались и в остальном. Таким образом, они погружались в недра той художественной правды, с помощью которой могли искренне и крайне талантливо показать причины и силы, опираясь на которые советский народ разгромил американо-

японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке.

Впервые спектакль «Бронепоезд 14-69» был показан столичной общественности не со сцены, а в репетиционном фойе.

Дата 10-летия Октября приближалась, всем работникам театра хотелось знать мнение общественности о спектакле, а декорации и костюмы еще не были готовы. Тогда руководство МХАТа решило показать пьесу без декораций и костюмов.

Мне, признаться, эта затея не нравилась. Ну, что это такое? Без света, без грима, без костюмов? А я так много думал о грохоте бронепоезда, несущегося со сцены. Не будет и грохота. Сцена на колокольне будет происходить вокруг большого стола, на который поднимутся Качалов и Баталов в пиджаках... Невозможно!

Зрителей пригласили человек сто — полтораста. Я волновался, конечно, ужасно. И меня не утешало даже то, что сам великий Станиславский был неузнаваем от волнения. Он то и дело вскакивал с кресла, вглядывался в лица зрителей, а когда началась первая сцена, сильно побледнел.

«Эх, зря они это затеяли», — подумал я, услышав звонок, возвещающий о начале спектакля.

Как началась пьеса, говорил ли что перед началом Станиславский, — ничего не помню.

Но зато отчетливо помню, что после нескольких реплик первой сцены я почувствовал облегчение. Сердце начало биться ровно, и я понял, что все, что смущало меня прежде, — отсутствие декораций, грима, костюма, — все это пустяки перед правдой жизни. Важнее всего то, что театр по-настоящему понял эту правду жизни и по-настоящему талантливо передал ее зрителю.

Мхатовцы с поразительным талантом и экспрессией показали не только главных персонажей пьесы. В «Бронепоезде 14-69» они с удивительной силой показали народ: крестьян и рабочих, бьющихся за свое счастье и счастливых в этой борьбе. Это был спектакль великого оптимизма, великой веры в жизнь и счастье народа! Зрители видели перед собой счастливых людей народа. И при виде этих счастливых, победивших людей всем нам жизнь наша казалась неслыханно огромной и счастливой. Так оно и было; так оно и есть.

Затем была премьера. Она прошла с таким же успехом, как и тот просмотр, который происходил в фойе. Мхатовцев долго поздравляли и вызывали.

Когда я вышел из театра, была уже глубокая ночь. Огни в театре тухли. Но ведь это потухали лишь огни рампы. Огонь творчества горит и будет гореть вечно в сердцах наших. Художественный театр по-прежнему плыл всей своей громадой над прекрасной столицей нашей, плыл, рассказывая ей свои дивные рассказы... И во всю ширь, при свете непотухающих огней творчества мы видели перед собой широкую и далекую дорогу жизни, слышали наши шаги на ней, слышали песни будущего, и ласковые звезды в небе сияли над нашей дорогой...

*1952 г.* *Публикация Т. В. Ивановой*

## *СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЬЕСЫ «БРОНЕПОЕЗД 14-69»*

Пьеса «Бронепоезд 14-69» была написана в 1927 году на сюжет одноименной повести, в основу которой положено событие, случившееся в 1919 году (захват сибирскими партизанами белогвардейского бронепоезда).

Премьера пьесы состоялась в МХАТ 8 ноября 1927 года. В спектакле роли исполняли: В. Качалов (Никита Вершинин), Н. Хмелев (Пеклеванов), М. Прудкин (Незеласов), Н. Баталов (Васька Окорок), М. Кедров (Син Бин-у), О. Книппер-Чехова (Надежда Львовна), А. Тарасова (Маша), В. Станицын (Обаб), О. Андровская (Варя), А. Вишневский (Семен Семеныч), А. Андерс (Знобов).

Спектакль имел такой успех, какой еще не выпадал на долю ни одной советской пьесы: до революции подобную славу МХАТ принесла только постановка горьковской пьесы «На дне».

Луначарский назвал постановку «триумфальным спектаклем», «подарком МХАТа Первому Октябрю». Он писал, что постановка явилась «до некоторой степени культурно-историческим событием».

А. В. Луначарский отметил исполнительское мастерство артистов МХАТ: «Обаятельно, правдиво, глубоко и просто играет Качалов... Горячий, буйный, веселый образ создает Баталов. Очарователен Кедров в роли китайца... Нет ни одной фигуры, в которую не вложено было бы много любви, мысли, сценического искусства самого высокого качества... Центральный момент, в особенности «пропагандирование канадца» (американца. — *М. М.*), сделан с прав-

дивостью совершенно изумительной и хватает вас за сердце» [1].

«Правда», выступая с рецензией на премьеру «Бронепоезд 14-69», выделила эпизод «упропагандирования» пленного солдата. «Когда слово «Ленин» создает общий язык у толпы партизан с пленным американским солдатом, зрительный зал охватывает волнение, которое не так часто удается вызвать театру. Уверенные возгласы, что он, чужой солдат, «поймет» партизан, просьбы — «скажи им там, за морями», радостный крик «понимает, ля-ля!»... доводят сцену эту до величайшего пафоса. Это, несомненно, одна из самых захватывающих сцен, какую только можно видеть в театре» [2].

«Бронепоезд» был показан делегатам XV съезда ВКП(б), работавшего в 1927 году. Интересный отзыв дал Ем. Ярославский: «Я сам сибиряк и потому могу судить о том, правильно или неправильно показаны типы сибирского крестьянства. По-моему, Первый МХАТ это сделал хорошо. Он показал сибирских крестьян со всеми их особенностями, со всеми их достоинствами и недостатками» [3].

30 мая 1928 года «Бронепоезд» смотрел М. Горький, только что вернувшийся из Италии. Горький отметил превосходную игру Н. Хмелева и В. Качалова.

Особенно велика заслуга В. Качалова; исполнение им роли Вершинина в значительной мере решило успех спектакля. Качалову пришлось впервые создавать образ участника революционной войны, и он сумел проникнуть в сущность роли Вершинина, передать его сибирский колорит. Работая над этим образом, актер обращается к литературе о гражданской войне, к людям этой героической эпохи. Но больше всего помог ему автор пьесы. «Вершининых я знал только по литературе, — признавался Качалов. — И если бы не помощь автора — Вс. Иванова, вряд ли у меня вышло бы что-нибудь из этой работы. Его рассказы и указания давали мне возможность проверять и укреплять то, что я находил ощупью, наугад, полуинтуитивно, фантазируя в пределах основного русла образа, стараясь углубить и усвоить все, почерпнутое из литературы... Образ Верши-

[1] А. В. Луначарский, О театре и драматургии, т. I, М., «Искусство», 1958, стр. 570.

[2] «Правда», 1927, № 264.

[3] «Рабочая газета», 1927, № 283.

нина обогатил меня творчески и расширил мое мироощущение, многое открыл мне впервые [1].

В. И. Качалов очень любил роль Вершинина. Спустя десять лет после премьеры он говорил: «...до сих пор люблю его, с удовольствием и всегда с волнением играю на эстраде сцены из «Бронепоезда» [2].

В 1927—1935 годах пьеса в МХАТ ставилась 327 раз.

В 1927 году одновременно с МХАТ «Бронепоезд» ставит Академический театр драмы в Ленинграде. Премьера состоялась 6 ноября. Постановка осуществлялась Н. Петровым, оформлял спектакль Н. Акимов. В ролях были заняты Н. Симонов (Вершинин), И. Певцов (Незеласов), Б. Жуковский (Пеклеванов), А. Усачев (Син Бин-у), П. Лешков (Обаб), Е. Корчагина-Александровская (Надежда Львовна).

В отличие от мхатовского спектакля, где подчеркивался массовый героизм, проявляющийся в будничном, обыденном, в ленинградской постановке, как отмечал один из рецензентов, «на первый план была выдвинута проблема личного героизма, и классовая борьба раскрывалась прежде всего в столкновении двух основных персонажей (Вершинина и Незеласова. — *М. М.*). Массовый народный героизм трудового крестьянства, выступившего союзником рабочего класса, театр стремился передать в суровом, мужественном образе Вершинина» [3].

В январе 1936 года «Бронепоезд 14-69» ставит Малый театр (постановщик Л. Волков, художник Н. Меньшутин). Основные роли исполняли: Г. Ковров (Вершинин), А. Весенин (Пеклеванов), Н. Соловьев (Незеласов), А. Сашин-Никольский (Син Бин-у), В. Рыжова (Надежда Львовна).

В довоенные годы пьеса «Бронепоезд 14-69» обошла большинство театров страны.

Постановки пьесы «Бронепоезд 14-69» оказывали огромное влияние не только на развитие русского театра, но и на развитие всего советского многонационального искусства. Известный советский журналист М. Кольцов, присутствовавший на постановке Ереванского театра, писал о ней следующее: «В государственном театре пользуется совер-

---

[1] «Советское искусство», 1938, № 143.
[2] Там же.
[3] «Красная газета», 1927, 27 октября (веч. вып.).

шенно сумасшедшим успехом, без конца собирает полные залы «Бронепоезд»... Сибирских партизан с увлечением играют приезжие турецкие армяне, никогда в жизни не слыхавшие русского слова» [1].

В октябре 1928 года в театре имени Руставели (Тбилиси) состоялась премьера пьесы «Анзор», которая представляет собой переделку пьесы Вс. Иванова, осуществленную С. Шаншиашвили. Театр считал, что «Бронепоезд» станет ближе и понятнее грузинскому зрителю, если сюжет его наполнится местным национальным колоритом. Поэтому действие было перенесено с Дальнего Востока на Кавказ, в Дагестан, русских крестьян заменили лезгины.

С начала 50-х годов «Бронепоезд» снова идет во многих театрах страны.

В декабре 1951 года И. Судаков, ставивший в свое время «Бронепоезд 14-69» на сцене МХАТ под руководством Станиславского, осуществляет совместно с Б. Зеленской новую постановку в Центральном театре транспорта. В спектакле были заняты В. Хохряков (Вершинин), А. Краснопольский (Пеклеванов), П. Крылов (Незеласов), И. Смысловский (Син Бин-у), А. Толбузин (Окорок), И. Герасимов (Обаб).

На сюжет пьесы Вс. Иванова композитор Д. Кабалевский написал оперу «Никита Вершинин», которая в 1956 году была поставлена Большим театром (режиссер Л. Баратов, дирижер А. Мелик-Пашаев, художник В. Рындин).

В 1959 году во МХАТ силами студийцев были поставлены сцены из «Бронепоезда». Одна из картин — знаменитая сцена «На колокольне» — была показана на вечере 17 января 1963 года, посвященном 100-летию со дня рождения К. С. Станиславского. В ноябре 1963 года был возобновлен весь спектакль. Режиссеры новой постановки — И. Раевский и Н. Ковалев, художник — Б. Волков. В ролях заняты Л. Губанов (Вершинин), В. Кашпур (Пеклеванов), Л. Золотухин (Окорок), А. Михайлов (Син Бин-у), Л. Топчиев (Незеласов), В. Топорков (Семен Семенович), Ю. Леонидов (Обаб), О. Андровская (Надежда Львовна) и другие. В сцене «На колокольне» бабу играет А. П. Зуева, исполнявшая эту роль тридцать шесть лет назад в первой постановке.

---

[1] «Правда», 1928, № 256.

«Бронепоезд 14-69» на русском языке издавался свыше тридцати раз, кроме того, он был переведен на языки почти всех братских республик.

Пьеса «Бронепоезд 14-69» привлекала внимание многих театральных деятелей Европы и Азии. В 1932 году прогрессивные французские деятели А. Барбюс, Л. Муссинак, В. Кутерье организовали в Париже Театр интернационального действия. Первый сезон нового театра был открыт постановкой пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69».

В 1933 году «Бронепоезд» был поставлен в Сиднее (Австралия) на сцене Рабочего клуба.

После войны «Бронепоезд» ставится театрами ГДР, Польши, Китая, Болгарии, Чехословакии, Монголии, Румынии, Югославии.

*М. Минокин*

## ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

24 февраля 1895 года в казачьем поселке Лебяжье, Павлодарского уезда, в семье сельского учителя родился Всеволод Вячеславович Иванов.

1907 — Окончив поселковую школу и проучившись год в павлодарской сельскохозяйственной школе, поступил подручным приказчика в магазин. Затем служил матросом на речном пароходе.

1912 — Поступил учеником в павлодарскую типографию. Стал наборщиком. Начинаются странствования Всеволода Иванова по стране. Зимой он работал наборщиком в различных городах Сибири, а летом, когда в типографии не было работы, странствовал с передвижным цирком. Впервые выступил в качестве автора, сочиняя «антре» — короткие комические сценки для клоунов.

1915 — начал писать рассказы, стихи и корреспонденции, публикует их в сибирских газетах: «Народная газета», «Приишимье», «Степная речь».

1916 — Посылает рассказ «По Иртышу» М. Горькому, тот отвечает ему благожелательным письмом. Завязывается переписка, длившаяся до конца жизни Горького.

1917 — Работал наборщиком в типографии «Народной газеты» (Курган), после Февральской революции был избран депутатом на конференцию рабочих печатного дела Западной Сибири. На конференции, состоявшейся в Омске, избирается секретарем Западно-Сибирского бюро рабочих печатного дела. Поступает на работу в омскую типографию «Земля и воля».

1918 — В Омске вступает в ряды Красной гвардии, борется с белочехами и колчаковцами.

1919 — Пишет и сам набирает первую свою книгу — сборник рассказов «Рогульки».

1920 — Работает инструктором внешкольного образования, потом в газете «Советская Сибирь». Пишет рассказы, которые в 1922 году входят в сборник «Седьмой берег».

1921 — Приезжает, по вызову М. Горького, в Петроград. Пишет повесть «Партизаны». Горький вводит его в группу молодых писателей, именовавших себя «Серапионовы братья».

1922 — 1923 — Пишет повести: «Бронепоезд 14-69»; «Цветные ветра»; «Голубые пески».

1924 — Опубликованы повесть «Возвращение будды» и рассказы.

1925 — Выходят повесть «Хабу» и сборник рассказов «Дыхание пустыни».

1926 — Работа над рассказами, вошедшими в сборник «Тайное тайных».

1927 — Заканчивает пьесу «Бронепоезд 14-69». Премьера «Бронепоезд 14-69» в МХАТ, посвященная 10-летию Великой Октябрьской революции.

1927 — 1929 — Выходит первое издание Собрания сочинений Вс. Иванова в 7-ми томах.

1928 — Премьера пьесы «Блокада» в МХАТ.

1930 — Выходят в свет роман «Путешествие в страну, которой еще нет» и «Повести бригадира Синицына».
1931 — Заканчивает пьесу «Компромисс Наиб-хана». Премьера пьесы в Театре Красной Армии в Москве.
1934 — Пишет пьесу «Поле и дорога»; опубликована в сборнике Вс. Иванов «Пьесы», «Искусство», 1965.
1933 — 1935 — Опубликован роман «Похождения факира».
1936 — Пишет пьесу «Двенадцать молодцов из табакерки»; опубликована в книге Вс. Иванова «Пьесы», «Искусство», 1965.
1937 — Премьера пьесы «Голуби мира» в Театре Красной Армии, Москва.
1938 — Выходит в свет роман «Пархоменко».
1940 — Пьеса «Пархоменко» ставится Театром Красной Армии в Москве и другими театрами. Пишет сценарий «Пархоменко». Заканчивает пьесу «Вдохновение», пьеса опубликована в сборнике Вс. Иванова «Пьесы», «Искусство», 1965.
1941 — 1945 — Статьи и рассказы на военные темы, вошедшие в сборники: «Мое отечество», «Щит славы», «На бородинском поле». Как военный корреспондент публикует в «Известиях» статьи с фронтов и с Нюрнбергского процесса. Пишет пьесу «Дядя Костя», которая ставилась самодеятельными военными театрами.
1946 — Заканчивает романы «При взятии Берлина» и «Эдесская святыня».
1947 — 1948 — Выходят воспоминания «Встречи с Максимом Горьким».
1949 — Публикуется книга очерков «По родной стране».
1952 — Премьера пьесы «Ломоносов» в МХАТ.
1944 — 1955 — Работа над циклом фантастических рассказов; рассказы опубликованы посмертно.
1956 — 1960 — Пишет роман «Мы идем в Индию».
1957 — Публикуется «История моих книг».
1958 — 1960 — Выходит второе издание Собрания сочинений Всеволода Иванова в 8-ми томах.
1961 — 1962 — Опубликована повесть «Хмель, или Навстречу осенним птицам».
1963 — Сценарий «Бронепоезд 14-69», опубликован в журнале «Простор», 1963, № 11.

Всеволод Иванов был активным общественным деятелем. Неоднократно избирался депутатом Московского Совета депутатов трудящихся. Выступал с докладом на 1-м Международном конгрессе защиты культуры (1935, Париж). Был с 1932 по 1938 год секретарем Союза писателей и до конца жизни членом Правления ССП.

В 1960 году Всеволоду Иванову присвоено звание профессора Литературного института им. Горького, в котором он был с 1955 по 1963 год председателем государственной экзаменационной комиссии.

15 августа 1963 года Всеволод Вячеславович Иванов скончался.

## СОДЕРЖАНИЕ



*Всеволод Вячеславович Иванов*

БРОНЕПОЕЗД 14-69

М., «Искусство», 1966, стр. 96, И-20

Редактор З. Пекарская. Оформление художника Д. Бисти. Художественный редактор З. Шарова. Техн. редактор А. Штамм. Корректор З. Гинзбург. Сдано в набор 17/XI 1965. Подписано в печать 17/II 1966 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$, печ. л. 3 (условных 5,04), уч.-изд. л. 4,48. Тираж 80000 экз. Изд. № 12692. Зак. 867. Цена 13 коп. «Искусство», Москва, И-51. Цветной бульвар, 25. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97.

3
70

89
94

г-
р
.
ю
й
а

13 коп.



17